

18+

ЕКАТЕРИНА ТАРАНОВА

Теория Пустот

ПОЭМА-СКАЗКА

Екатерина Таранова

Теория Пустот. Поэма-сказка

«Издательские решения»

Таранова Е.

Теория Пустот. Поэма-сказка / Е. Таранова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696998-8

Эта книга — о пути в другой мир. Герой попадает в пространство, живущее по своим законам: канатоходцы там стараются поймать ветер, чудовища ведут себя дружелюбнее, чем люди, а серый куб, стоящий посреди безымянной пустыни, исполняет самые сокровенные желания.

ISBN 978-5-00-696998-8

© Таранова Е.
© Издательские решения

Содержание

Теория Пустот	6
1	6
2	15
3	21
4	35
5	39
6	44
7	48
8	51
9	54
10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Теория Пустот Поэма-сказка

Екатерина Таранова

© Екатерина Таранова, 2026

ISBN 978-5-0069-6998-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Теория Пустот Поэма-сказка

1

Туман, туман всюду. Лонфэр сидел у окна, опираясь руками на стол, покрытый крошками и слоями засохшей краски, созерцая одновременно погасшую свечу и лодки на реке. Их почти скрыла мокрая пелена.

Время, когда Фёрст впервые поведал Лонфэру о Теории Пустот, совпало с неприятностями. Именно в ту пятницу мать сообщила, что лишает их с сестрой наследства.

Мать всегда делала такие нечаянные, но от этого не перестающими быть змеиными выпады в его сторону, когда он их не ждал. Так проявлялось её особое мастерство творить для него и для сестры не просто неприятности, а несчастья.

До глубокой старости ей было еще далеко, однако нельзя было не предполагать саму возможность ее ухода. Известие о лишении наследства стало неожиданным. И он вдруг осознал для самого себя, что рассчитывал на эти деньги. Хотя какое ему было дело? И всё-таки, как-то само собой предполагалось, что когда-нибудь они с сестрой будут жить в доме, где прошло их детство. Но теперь даже такие неустойчивые картины будущего съел туман.

Наследство наследством, но случившаяся каверза не отменяла того, что положение Лонфэра в данный момент было бедственным. Обстоятельства требовали срочно найти хоть какой заработок.

Но что делать, если он во время существования на чердаке дома в самом захудалом районе Лапту так поизносился, что его не взяли бы и в мелкие секретари? Может, даже и в продавцы уличных ирисок?

Его шляпа видала виды.

Пиджак с дырами на локтях заслуживал, чтобы к нему относились лучше. Штаны лоснились от грязи. Только сны Лонфэра светились новизной ни разу не использованной вещи.

О решении матери напрямик говорило письмо сестры. Сестра нагородила глупостей, вроде рассуждений о ловли светлячков с помощью зеркал. Ей было свойственно впадать в грех неуместных отступлений. Но позже всё-таки добавила и главное: и её мать тоже лишила доли в завещании. И выставила из особняка на вольные хлеба.

Лонфэр терзался сомнениями: сможет ли сестра о себе позаботиться? Но сейчас ему надо было думать о себе.

Именно это он и пытался сделать, пристально разглядывая город сквозь чердачное окно.

Он обитал в одном из непригляднейших городских районов.

Сама по себе Подглюдица отличалась изяществом облика, как престарелая матрона из высшего общества, – изысканностью, пусть и слегка одряхлевшей.

Если как следует подумать – разве дряхлость, иначе называемая благородной ветхостью, мешает городу чувствовать себя отменно? Брахмопутре или Зеркальной Хтони упадок весьма к лицу. Это все знают.

Вот и Подглодища, несмотря на обветшалость, оставалась городом утончённым. Дожди здесь любили присутствовать круглый год. Крутые миниатюрные мосты, похожие на спинки гусениц, готовых к прыжку, задымленные кафе с винными полками, опрометчиво высунутыми под ливень, библиотеки, где разрешалось ночевать бродягам, особняки богачей на вершине холма, похожие на пиратские шхуны, с горгульями, вытянувшими свои носы в небо, – всё манило в город сумасбродов всякой масти. Графоманов, мастеров пантомимы, йогов и живописцев здесь встречалось больше, чем шерстеедных мотыльков зимой.

Таковым был и Лонфэр. Мотылек, сдуру свалившийся в огонь. Неудачник, влекомый аурой божественного образа жизни.

Он мог стать пейзажистом и воспевать при помощи акварели каналы с лодками.

А мог сочинять поэмы, вдохновляясь кладбищами с изобилием голубых фарфоровых надгробий. И непременно чучелом минотавра в центре.

Но Лонфэр приехал в Подглюдищу с иными целями. Он выбрал город потому, что здесь жил Фёрст. Советник клуба Теории Пустот.

У Теории этой были разные названия: то ли она изучала дыры в пространстве, то ли пустоты, то ли трещины, ведущие неведомо куда. Лонфэр смог вникнуть в кое-какие отрывки текста, присылаемые ему Фёрстом в письмах, что заставило его увязнуть и в Теории, и даже в предисловии к ней по самые уши.

Фёрст был его кумиром почти с отроческих лет. Лонфэр прочитал все его книги. А потом написал ему письмо. Неожиданно тот ответил и пригласил присоединиться к сообществу ученых. Это было нечто вроде клуба по интересам. Исследователи изучали книги и старинные рукописи. Зачастую происхождение этих бумаг было сомнительным и уж точно вызвало бы у настоящих кабинетных ученых с регалиями немало вопросов. Но у этих чудаков и энтузиастов в свободном поиске бумаги с таинственными крючками и ботаническими зарисовками вопросы не вызывали. Никаких вопросов, – только восторг.

Вот так Лонфэр и попал в барочный город, в заболоченную механическую шкатулку. Дом, где он жил, прислонился к телу грязной городской окраины, как полип к спине большого кита. Здесь ощущался недостаток всего во всем – на грани полного истощения. Старые дома и сараи стеснялись своей бедности. Казалось, еще немного, – и они закроют ставни глаз, спрячут за щербатыми заборами сломанные колодцы ног и крыши волос.

Лонфэр слышал грохот моторных лодок. Они везли уголь, сметану и солёную рыбу в бочках.

Он смотрел в окно. С реки ощутимо пахло болотом и запустением. Но аромат воды с цветущими водорослями и стрекозьими криками долетал до него лишь при особо встревоженных порывах ветра.

Голод обострил его обоняние, увеличил раздражительность. Но одновременно расслабил и лишил желания шевелиться.

Нужно было достать где-то денег. В его положении стоило взяться за любую работу.

Лонфэр взглянул в треугольный зеркальный осколок. Минорное зрелище. Дорога была одна – в кафе «Юта». Среди множества завсегдаев там могли сидеть всякие – и куклы-попрошайки, и клошары, и работяги с рынка. И те, кто сказал бы ему, где в районе лодочников можно найти заработок. Или – у кого спросить о работе.

Например, Вьефль мог бы подсказать что-то. Скорей всего, он сейчас околачивался там, хоть и было ещё очень далеко до полудня. Надо просто понимать, что большинство завсегдаев Юты пили с самого утра.

И точно, Вьефль уже сидел в излюбленном месте. Возле кадки с фикусом, увитым гирляндой. Эта вещь вечно норовила устроить короткое замыкание, и тогда рядом вспыхивал пла-ток на столе или пыль на стекле. Приходил электрик, выгонял всех из кафе и ремонтировал гирлянду, во избежание вызова пожарных.

В кафе порой случались и отвратительные сцены. К примеру, бородач и одноногая барышня часто напивались там до зеленых чертей. Набравшись как следует, эти ожившие персонажи не то Беккета, не то Караваджо принимались мутузить друг друга и орать в обе глотки. Или случалось еще что, похожим образом рвущее слух. Поэтому идти туда ему совсем не хотелось.

Справедливости ради нужно отметить: в то утро для Лонфэра всё выглядело омерзительно. Зеркало искажало смыслы. Впереди ошутимо маячил призрак окончательной нищеты, чуть ли не смерти от голода. Этот призрак почти на глазах обретал плоть и жирел за счёт страданий Лонфэра.

Рассчитывать, что мать передумает и окажет ему какую-то помощь? Просто безумие.

Письмо сестры было достаточно подробным, чтобы из него можно было выжать хоть крупицу надежды. Сестра написала его, ещё находясь в особняке, у себя в комнате. Но мать уже велела ей собирать вещи. Потому что, как она выразилась, она «её вышвыривает, ибо достаточно потратила сил на дочь... и на её дурака брата».

Лонфэр в красках представил, как сестра собирает в чемодан для путешествий книги по философии. Как же с ними расстаться?

Куда она пойдет с тяжёлым чемоданом? Приютит ли её кто-то из друзей? Возможно, на время её могут пустить пожить в гостиницу при Академии, подумал он. Но быстро отправят обратно на улицу. Как только поймут, что денег у нее нет. Если даже у сестры и было что-то спрятано от матери, этого явно не хватит надолго.

Сидя за столиком напротив Вьефля, дремлющего над опустевшей рюмкой, Лонфэр вспоминал о матери.

Перепады настроения. Истерики, обычные для певиц. Друзья, менее успешные в музыкальном мире, которые ее обворовывали. Ее равнодушные. Сарказм. Издевательские ремарки о каждом действии как сына, так и дочери.

Не давая ничего, она требовала взамен не просто любви, – полного подчинения. Её токсичность отравляла не только людей, но и все живое в доме. Черепаха, которую подарили сестре гамбургские подруги, не выдержала пинков и злых слов, с которых начиналось любое утро матери. И чем только ей не угодила обычная черепаха? В итоге рептилия вылезла на балкон и бросилась вниз. В точности как студентка, не способная пережить неразделенную любовь.

Кактусы в особняке засыхали, если прислуга неосторожно ставила их на подоконник в материнской спальне.

А ее вечеринки? Все эти карнавалы, церемонии, маскарадные костюмы призраков, оргии?

Сестра написала, что мать поселила в доме какую-то даму. Та называла себя сюрреалисткой, без устали покрывая стены в особняке пейзажами. На фоне антрацитовых гор и похожих на скомканный картон холмов резвились злые феи.

Сестра написала, что однажды она застала художницу и мать... в чем мать родила. В библиотеке. Прочие подробности увиденного она опустила. Отметив, что Лонфэр и сам способен догадаться, что именно происходило.

Художница охмурила мать. Та переписала завещание, оставляя всё сюрреалистке, а не Лонфэру и сестре.

Сомния размашисто писала в письме: «Я всегда подозревала, что мать, слепая ко всему вокруг из-за гордыни и распутства, закончит приблизительно так. Все эти события крайне неприятны. Художница попросту обманывает мать. Должна тебе сообщить, что у мошенницы есть еще и дядя, поселившийся в особняке и сующий всюду нос. Однажды я застала его за тем, как он роется в моем бельево шкафу. И его это не смутило. Он просто отвернулся и вышел из комнаты. Вот так. Думаю, вдвоем с художницей они уже придумывают способ, как именно деньги матери переползут в их карманы... Впрочем, для нас с тобой это уже неважно... Мать

сегодня велела мне убираться вон. Сейчас я собираю вещи. Не знаю, когда смогу написать тебе в следующий раз. Береги себя».

Так заканчивалось письмо сестры. Не забудем и про росчерки и автоматические рисунки на полях.

Лонфэр заторможенно наблюдал, как Вьефль приходит в себя от похмельной дрёмы. Пошарив в карманах, он вытащил скомканную до состояния шара денежную купюру. Наткнувшись на озадаченный блин лица приятеля, Вьефль обронил:

– Угостимся... Мне перепало денег.

И жестом поманил официантку. Та, зная вкусы зовущего, уже несла графин и две рюмки.

– Принеси-ка нам ещё яичницу, – добавил он.

Та кивнула и удалилась, зевая.

– Тоска... – протянул Вьефль.

– Безнадега, – согласился Лонфэр.

Они выпили по рюмке.

Горький напиток обжег Лонфэру нёбо, тяжело скользнул в пустой желудок и вернулся ударом в голову. Опустошение...

«Если я сейчас поем, сразу усну». На нем стремительно сказывались недоедание и усталость.

– Знаю, ты неплохой человек, – сказал Вьефль, наливая еще, но уже лишь себе. – Есть у меня свойство... Способность определять характер человека по лицу. Вот я и говорю – ты уютный. Вот только... что делаешь здесь? В этом подыхающем медленной гибелью городе?

– Мне нравится Подглюдицца, – возразил Лонфэр. – Особенно осенью. Карусели. Парки. Есть даже цирк. Пару раз мне удавалось пройти на представление, притом без билета.

– Понимаю... – Вьефль снова готов был окунуться в алкогольную дымку, но ещё оказывал себе сопротивление. – И всё же. Главное слово для этого города – «усталость». Смотри сам... Даже художники, того и гляди, вот-вот уснут за мольбертами. Это расплывается, как пятно масла на воде. Растёт потихоньку, начиная с окраин... Вроде той, где мы с тобой живем... Оно идет, идет, и постепенно доходит до самого центра. Ты разве не заметил? Эта упадочность, как кружево пыли, захватывает и площадь, где из комка камней вырастает башня с часами. И даже Опера, кажется, скоро развалится. Ты ведь знаешь это вычурное здание, похожее на торт?

– Знаю, – ответил Лонфэр. – Я хотел спросить тебя... Не подскажешь, где можно немного подзаработать?

– Дела совсем плохи? Ну, можешь пойти сегодня со мной.

Он вздохнул, как будто ему с трудом давалось каждое слово.

– Я раздобыл себе одну службу. Сторожем на кладбище. Платят мало, что есть, то есть. Можно собрать с могил букеты. Утром я перепродаю их обратно, цветочникам, и они вновь пристраивают эти декорации скорби... Зато уж мне то и достается процент с продаж. Могу и с тобой поделиться.

И добавил:

– Одному на кладбище ночью бывает скучно.

У Лонфэра отлегло от сердца. Он успокоился и даже поковырял вилкой в яичнице.

– Ешь, дружище, – подбадривал его Вьефль. – В твоей дыре вряд ли подадут подобный завтрак. Там и таракан повесится с голоду. Впрочем, неважно. Так вот, я хотел бы тебя спросить. Со всей серьезностью, учитывая, что ты согласен вместе со мной стать ночным сторожем. Прежний то ли утонул, то ли сломал ногу. То ли просто спрыгнул с крыши мавзолея, решивши полетать. История, как говорится, умалчивает.

Он совсем напился, подумал Лонфэр.

– Вот ты мне ответь всерьёз: что ты делаешь в этом городе? Говорю же: вижу тебя насквозь. Ты предназначен для некой цели. А тут, в Подгловице, – просто сотрёшься, как пемза для пяток. Зачем ты здесь?

– Я приехал, чтобы изучить Теорию Пустот, – честно ответил Лонфэр. – Только для этого.

Вьефль лишь махнул рукой. Видно, он воспринял слова «Теория Пустот» так, словно перед ним возникло нечто вроде мухи, залетевшей в пиво. Выхлебал свою очередную рюмку и сказал:

– Это всё пустое... Масло масляное. Скоро ты и битой яичной скорлупы не дашь за свою философию. Или что там привело тебя сюда? Уж лучше паяться с утра до вечера на баб. И то будет больше толку. Надеюсь, ночь, проведенная на кладбище, вправит тебе мозги... Приходи вечером к воротам, с южной стороны. Знаешь их? Если приглядеться, увидишь на воротах двух спящих птиц.

– Знаю. Видел.

– Вот там тебя и буду ждать. Все призраки будут наши. Надеюсь, и пара привидений тоже встретится. К тому же, пока один совершает обход, второй сможет поспать.

Лонфэр подумал – Вьефль наверняка напьётся, так что охранять кладбище придется ему самому. И всё же, он получит хоть немного денег. А значит, можно не беспокоиться хотя бы об этом.

– Мне пора, – сказал он. – Пойду. До вечера.

– Ну вот, тогда и увидимся, – ответил Вьефль. – Стало быть... Рад, что ты не боишься призраков. Знаешь ли, с тех пор, как я стал видеть человеческую суть... Я называю это так – «внутренности». Я начал понимать... призраки – ещё не самое страшное. Правда, за ту первую ночь, что я провел на кладбище, ничего увидеть не довелось. Лишь позднее, но это уже другая история... Что касается сторожки... Наоборот, там даже спокойнее, чем здесь. Вот смотри...

Лонфэр почувствовал сильное утомление от болтовни Вьефля. Пора было уходить. Да и времени оставалось ровно столько, чтобы дойти пешком до здания ратуши. На верхних этажах располагалась библиотека, внизу – архивы.

Сегодня заседание Клуба под руководством Фёрста должно было состояться именно в одном из архивов.

– Смотри... – не унимался Вьефль. – Вот эту парочку видишь? Девушка вроде бы выглядит прилично. Мужчина одет так, словно с самого рождения работал в банке кассиром.

Лонфэр бросил взгляд за столик, где барышня в войлочном берете медленно ела кусок рыбы, насаженный на вилку. Ее спутник являл собой образец конторского служащего. Распыляя вокруг себя дурное настроение, как цветок пыльцу, он раздраженно брелочкой в чашке.

– Видишь их? – повторил Вьефль.

– Вижу, – ответил Лонфэр.

– Вместо лица у барышни – лисий нос. У ее спутника лица и вовсе нет. Вместо носа, глаз и рта – гладкое пятно. Я вижу лишь кожу, ее поверхность. Под ней трепещет нечто вроде тонких светящихся нитей. В виде кровеносной системы обычного древесного листа. И эта поверхность очень ровная.

Почему-то Лонфэр сразу поверил Вьефлю. Поверил и спросил:

– Ты всех людей видишь так?

– Порой вижу обычный облик – так, как ты. Как все. Но иногда будто... Нелегко объяснить... Попробую. Словно спадает завеса, а потом кто-то отводит в сторону еще одну маленькую шторку. С большой аккуратностью и неторопливостью. И тогда я вижу Внутренности. Внутренности не только человеческих лиц. Еще и внутренности деревьев... домов. Целой улицы. Могу увидеть внутренность любого предмета. Например, вот эта ложка – не совсем ложка. И так далее...

– И на что же похожа внутренность ложки?

– Ложка, которой он сейчас мешает кофе, на самом деле покрыта мехом. И, хоть ты улыбайся, хоть нет – это так. Просто той ложке нравится воображать себя лесным зверьком. А твоей хочется видеть себя деревом. Именно поэтому она покрыта зеленым лишайником. Только ты этого не видишь. И спокойно перемешиваешь ей сахар.

Кофе и правда был сладким, подумал Лонфэр. Чересчур. Уходить сейчас было невежливо, ведь Вьефль накормил его завтраком. И с работой помог. Оставалось только сидеть и слушать, надеясь, что у Вьефля пройдет приступ говорливости. Дело явно к этому шло. Вьефль зевнул, потом добавил:

– Хорошо помню, как увидел внутренности впервые. До этого всё было как у всех. Дерево оставалось деревом, окно – окном. Но знаешь, однажды, тёплым летним днём, я шёл по южной стороне Больци. Подходил к мосту, – помнишь, там ещё есть такие бесполезные фонари с тёмными стёклами, почти не пропускающими свет. А разве смысл фонарей не в том, чтобы светить? Впрочем, сейчас о другом. Я шёл мимо этих фонарей, которые изливали не свет, а тьму. Ты наверняка знаешь это место. Там ещё трётся всякое отребье вперемешку с аристократами. Что ищут приключений. Я просто шёл себе и шёл, пиная ногами камешки и плоды каштанов. Белки смотрели на меня укоризненно, выглядывая из гнезд.

Он ненадолго умолк, стараясь вспомнить все детали. Потом продолжил:

– И вот, внезапно, дома вокруг словно задрожали. Нет, это было не землетрясение. Я представлял тряску земли совсем не так, и то, что я видел, весьма отличалось, оно скорее было похоже на... щекотку... Как будто дома кто-то тихонько щекотал. Словно дома хотели танцевать. В эту минуту меня переполнили сожаления и усталость... Не знаю, как лучше объяснить. Я вспомнил все свои неправильные поступки, но не с намерением поправить всё или покаяться, – а так, словно это было песком, прилипшим к подошвам. Эти люди, встречи, мысли, слезы или хохот – всё уплывало прочь, тонуло в мутных водах, словно клад с привязанным к нему якорем. А потом я увидел трамвай, мчащийся прямо на черепице, похожей на рыбу чешую. Он двигался не по рельсам, а будто по воздуху, слегка приподнявшись над мостовой. Сам знаешь, в Подглодище отродясь не было трамваев. И трамвайные рельсы никому из нас тоже видеть не доводилось. И кстати, трамваи до этого я видел только на картинках в журналах и в энциклопедии. Вот так.

– Ты увидел трамвай, скользящий по воздуху? – уточнил Лонфэр.

– Да. Но и это ещё не всё. Трамвай был объят пламенем. Он горел, но в этом голубом пламени находились некие существа. Не люди... И не дендроморфы...

– Вот как?

– Это выглядело как нечто обыкновенное.

– Эти люди не сгорали в огне?

– Там был человек в чёрной шляпе, – добавил Вьефль. – Как будто бы человек. Но я понимал, что это – не человек. И ещё – дама почтенного возраста, в верблюжьем пальто. Они светились изнутри. Пламя как будто и не касалось их. Была семейная пара с букетами водосбора в руках. Все они выглядели как люди. Но, чем дольше я всматривался в пассажиров трамвая, тем более выявлялось подробностей.

– Каких? – спросил Лонфэр.

– Одна из девочек светилась изнутри голубым пламенем. Хотя вокруг все искрило красным, как то и положено огню... И еще. Человек в чёрной шляпе словно не горел, а мерцал. У всякого пассажира трамвая было словно своё собственное, персональное свечение. А потом я увидел её. И, доложу тебе, это существо выглядело чудовищней Минотавра, чьи статуи можно узреть в середине любого кладбища Подглодищцы. Эта девушка протянула мне руку, приглашая войти в трамвай. Она стояла в распахнутых дверях. Она будто заманивала, понимаешь?

– И ты вошёл в трамвай?

– Нет, – ответил Вьефль. – И до сих пор жалею, что не сделал этого. Я не вошёл. Но запомнил трамвай навсегда. Когда я восстанавливаю это в памяти, то называю девушку владычицей пылающего трамвая. У нее было длинное лицо, узкое и белое. И огромные глаза совы. Уж поверь, у женщин не бывает таких глаз. Но глаза не были самым необычным в её облике. И не всклокоченные волосы, спутанные и густые, как львиная грива. Вот что – на голове у неё торчали олени рога. Из-за спины – круглые зеленоватые крылья. Такие ещё порой случается видеть у майских жуков. Хочешь верь, хочешь нет. Трамвайное божество... И пока я стоял, остолбенеv, трамвай вместе со своими пассажирами умчался прочь... А я так и не решился откликнуться на приглашение этих существ. До сих пор об этом жалею. Но один подарок после встречи у меня остался.

– И ты больше никогда не встречал этот трамвай?

– Нет, – сказал Вьефль. – Никогда. Я и рассказал то тебе про него, потому что мне кажется, что ты тоже способен его увидеть. Пусть не сейчас, но когда-нибудь... Может быть, позже... Просто знай: если к тебе навстречу движется по улице пылающее пятно, это и есть оно... то самое... А теперь иди... Вижу, что ты торопишься... Навстречу своей теории ветров... Или теории пустот. Или теории зияний и дырок. Как там правильно называется твоя теория, не могу вспомнить. Уж прости... А теперь мне пора вздремнуть. Это и правда так.

– Теории Зияний, а не ветров, – повторил за ним Лонфэр. – Если говорить совсем точно, то в клубе мы изучаем Введение в Зияние. Когда-нибудь, если захочешь, я тебе об этом расскажу. А сейчас мне и правда пора.

Вьефль кивнул и закрыл глаза.

Сейчас заснёт, подумал Лонфэр.

И вышел из кафе под промозглый ветер.

Зашифрованность первая

Мы вынуждены заметить: пока люди занимаются своими мелкими неприятностями, пустоты тоже выбирают для себя своих будущих заполнителей.

Также, как ты смотришь в бездну, и бездна смотрит в тебя. Также самое касается и пустот. Они наблюдают за людьми, предпочитая выбрать тех, кто сможет без лишней болтовни сделать из любой пустоты или зияния Нечто.

Поиск пустоты той или этой, направленный на обнаружение для себя наилучших кандидатов для заполнения, может оказаться по человеческим меркам довольно длительным.

Но здесь нужно также добавить и то, что время пустот, зияний и трещин не ограничено ни столетиями, ни даже тысячами.

Пустоты владеют временем в необъятных количествах, и куда важнее для них не скорость обнаружения лучшего персонажа для взаимодействия с пустотой, а то, чтобы этот персонаж, человек ли, дерево ли или галактика, подходил им идеально. А если не так, то хотя бы наилучшим из возможных образом.

2

Подгловица сегодня выглядела приветливо – как гражданин, который очень хочет казаться милым. Пусть даже у него и не вполне получается.

Нужно было спешить. Двигаясь вдоль реки по грязной набережной, Лонфэр пинал попадающиеся на пути камешки и бутылочные крышки.

Время поджимало.

Вьефль всё-таки чрезвычайно странный, думал он. Не стоило верить ему во всем, но Лонфэр поверил. Когда пьяница рассказывал о трамвайном божестве, о той девушке – Лонфэр словно увидел её воочию. Не может такого быть, чтобы это оказалось враньём.

Сегодня Подгловица особенно хороша, думал он. Не дам отравить себе день мыслями о матери. Разумеется, и о сестре я забыть не могу, повторял он себе. Остаётся только надеяться – если уж сестре станет совсем невыносимо, она доберется до Подгловицы и найдёт брата. Ведь ей известен адрес.

Как ни спешил Лонфэр, он всё же опоздал на заседание клуба. Когда он, задыхаясь от спешки, спускался по узкой винтовой лестнице в архивы ратуши, встреча членов клуба тянулась, должно быть, уже не менее получаса.

Но ему повезло.

Бормоча никому не нужные извинения, он вошёл в круглую комнату с подобием сцены посередке и креслами вдоль окружности. А также забитыми под завязку книжными полками вдоль стен и пыльными шторами, атрибутами любого архива Подгловицы. Вошёл в помещение, сел на свободное место и понял, что время выступления Фёрста то ли уже миновало, то ли ещё не наступило.

На «сцене» в центре круга стоял и подсматривал в бумаги на пюпитре, похожем на подставку для нот, дряхлый старик.

Лонфэр почувствовал такую неловкость, что поначалу даже не мог вникнуть, в чем суть лекции старика. Да и сам старик, видимо, ощущал себя ненамного увереннее. Он запинаясь. Ему словно было страшно выступать, несмотря на почтенный возраст и на то, что аудитория была настроена явно благоприятно. Тихая, как свежевывающий снежный наст, аристократка в мехах, Роланд Александрович, с которым Лонфэр был уже знаком, поскольку этот театральный контролёр не пропускал ни одного заседания клуба, безмянная девушка в розовом пальто и розовой шляпке-ватрушке – все они, и не только они, но и те, кого Лонфэр ещё не успел рассмотреть, явно слушали лектора в благожелательном настроении.

Их совместное дыхание, молчание и сдержанный интерес создавали в помещении приятную атмосферу.

И тем не менее, старик запинаясь. Он терял нить.

То и дело он нырял с этой ровной нити в паузы, как с болотной кочки – в трясины.

Лонфэр попытался сосредоточиться, понять, о чем идёт речь...

...Старик говорил нечто весьма малопонятное. О сновидениях ангелов.

Поясняя в деталях, он рассказывал, что их вселенная, то есть место, где живут эти ангелы, якобы в последние тысячелетия начинает распадаться на куски и отваливаться вниз, людям на головы. Как куски штукатурки.

И в нашем мире этот мусор из распадающихся ангельских структур проявляет себя как всевозможные неприятности. И мелкие пакости реальности.

Например, утром ты просыпаешься. И, одеваясь на работу в контору, застегиваешь заштопанный сюртук предельно неровно. А то и вовсе нахлобучиваешь его наизнанку. Не замечая этого, ты приходишь на работу, и все сотрудники как один поднимают головы от своих годовых отчётов и прочих хрустящих бумаг, испещренных таракаными следами.

Они смотрят на тебя так, словно ты вымазан в муке с ног до головы. А ты не можешь понять, в чем причина столь пристального внимания... Или, к примеру, ты идёшь в любимое кафе, а тебе в кофе вместо корицы насыпают поваренной соли. И всё это, то есть потерянные булавки, ссоры с супругой, дыра в башмаке, пригоревшая каша и василиск вместо твоего привычного лица в зеркале, – всё это следствие появления в нашем нижнем слое ангельской штукатурки. Упавшей оттуда, сверху.

А что же в это время происходит там, в их верхнем мире?

Лектор умолк и уткнулся в бумаги, вероятно, полностью потеряв нить...

Повисла пауза, а Лонфэр наблюдал, как девушка в шляпке-ватрушке строчит что-то в блокноте, записывая. Что именно она старалась записать? Невнятные нелепицы, который громоздил старик? Или собственные мысли по поводу звучащих в пространстве слов? Как знать.

Лонфэр подумал: а что, если рассказ Вьефля о трамвайном рогатом божестве и лекция о катастрофе в ангельских сферах – истории одной породы? Ведь и та, и другая говорила о чём-то несуществующем здесь. О том, чего нет.

Словно в ответ на рассуждения Лонфэра, лектор наконец уловил хвост мысли в подсказках, лежащих в бумагах на подставке. Откашлялся и продолжил. При этом его рассказ становился всё более и более складным, как будто ему теперь начали подсказывать некие невидимые помощники:

– Что же в это время происходит там, в верхнем мире? Помимо грохочущего падения глубоко вниз высоких белых колонн и осыпания штукатурки со стен, из ангельских амбаров как с весёлыми, так и с меланхоличными снами, падает то, что мы, люди, привыкли называть звёздами. Они шипят. Они пронзают небесную толщу. А после превращаются в мерцающие цветочные букеты, – вроде белых гардений. И пикируют прямо в воду рек или болот, продолжая сиять и под водой. Что ещё? Штукатурка, куски камня, бессонница людей, птичьи перья, рысьи когти, потерянные в прошлом веке пуговицы, высохшее дельфинье молоко, неизвестные науке неустойчивые цветы, зола, молнии, ангельские алмазные эгреты и бусы, слёзы счастья, прозрачная вода из каждой реки, что протекает в Подглодище, гнезда сов и перчатки южного ветра – всё падает вниз. Всё падает вниз, когда в ангельских сферах начинается процесс разрушения. Но сильнее всего при этом страдает голубой цвет.

Старик выдохся и зашёлся в приступе кашля, словно затрещали в лесу сухие ветки.

Кто-то поднёс ему стакан воды. Он выпил жидкость залпом. Немного успокоился.

Обдумывая услышанное, Лонфэр вспоминал тот кусок лекции, где говорилось о падающих в озеро звёздах.

...И он увидел оленя.

Лонфэр всегда был склонен отвлекаться, поэтому и сейчас слова старика запустили поток воображаемых картин.

На ветвистых рогах зверя горели десятки восковых свечей. Кто-то прикрепил свечи. Зачем? Во всяком случае, оленя, вероятно, это не беспокоило. Он был схож с морем в штить и с лучшим зиянием – недвижимый и величественный. В его очах отражались сразу четыре луны: черная, серповидная, продырявленная и подлинная.

Он спокойно стоял у воды, слушал её звон, вмешавшийся с аккуратным шелестом восточного ветра, только что вернувшегося с очередного осеннего бала, который традиционно проходит в стране ветров. Олень смотрел, как медленно падают в озеро звёзды. Разрушения в ангельских жилищах? Падающие с высоты обломки колонн? Его это совсем не беспокоило.

Лонфэр так отчётливо увидел оленя, что спросил себя: почему старик не упомянул о нём, когда говорил о звёздах, падающих в озеро? Ведь олень точно стоял на берегу (вероятно, и сейчас там стоит) и наблюдал упомянутый звездопад?

Старик тем временем покинул пост, оставив бумаги на пюпитре. Настал перерыв между лекциями. Господин в чёрном сюртуке достал из кармана трубку и невозмутимо раскурил ее, окутывая себя облаком синего дыма. Здесь это разрешалось. Аристократка в перчатках оттенка спелого сапфира вытащила из радикуля мешочек с конфетами и манерно лакомилась ими. Девушка в шляпке перечитывала свои записи.

Только сейчас Лонфэр заметил, что председателя клуба здесь нет. Его это не слишком беспокоило. Он знал – Фёрст, скорее всего, появится чуть позже. Уже случалось, что он задерживался.

Лонфэр подумал: между рогатым божеством в трамвае из рассказа Вьефля и оленем у озера определенно есть связь. И связь заключалась не в оленьих рогах, не только в едва уловимой схожести этих образов. Вьефль вообразил, придумал или увидел нечто, и Лонфэр – тоже. Но образы зацепились друг за друга, действуя теперь слаженно, как актёры одного мира.

Возможно, это хороший знак, решил он. Порой он готов был доверять этим знакам. Учился видеть взаимосвязи. Иногда это ощущение исчезало.

К пюпитру подошла девушка в шляпе, похожей на булочку, и произнесла неожиданно ржавым, как у старика, и торжественным голосом:

– Объявляется перерыв на полчаса! После него состоится лекция председателя клуба на тему: «Введение в зияние. Начальная фаза Теории Пустот». Желающие могут пока пройти в столовую. Архивариусы уже отообедали, так что и нам самое время. Поскольку Фёрст, насколько мне известно, намерен говорить долго.

Лонфэр ощутил, как в его сознание словно врывается солёный сквозняк – с кусочками водорослей и кружками рыбьей чешуи.

Это удачный день, вдруг осознал он. А начиналось всё с уныния. Но после появился Вьефль с его болтовней о светящемся трамвае. И помог с работой. А теперь – теперь будет говорить Фёрст. Продолжение дня – как продолжение книги, которую давно хотел дочитать.

Члены клуба поднялись с мест, мебель заскрипела. Обувь шаркнула по старому паркету. Они собирались пойти обедать, но ведь за обед надо платить? А у Лонфэра в карманах дыра на дыре.

– Вы что, не идёте? – удивлённо спросила его девушка в шляпке.

– Нет, – сказал он, – я не голоден. Посижу здесь и подожду, если можно...

– Ну что Вы! – возразила она, – лекция Фёрста обещает быть долгой и содержательной, так что будет лучше подкрепиться. Мы с Элоуфом с удовольствием Вас угостим.

Только сейчас Лонфэр заметил рядом с девушкой долговязого парня неопределённого возраста. Как на вешалке висело на нем пальто, заношенное и настолько пропитанное дымом, словно Элоуф недели две ночевал на улице у костра. Тощую шею, точно питон, в несколько слоев обвивал шарф из шерсти дикого сочетания цветов: оранжевого, зелёного и синего.

– Благодарю, но мне неудобно быть Вам обязанным, – сказал Лонфэр. – Я лучше посижу здесь.

Но они и слушать не хотели никаких возражений. Сказали, что обедать без него не пойдут, и точка. Это брат и сестра, подумал Лонфэр, – каждое слово девушки лепилось к слову Элоуфа, как плющ к платану. Они буквально силком потащили его в столовую, усадили за столик. Все как сговорились меня сегодня кормить, подумал он. Помереть с голоду точно не удастся.

Официант в синей бабочке и бархатном костюме принес чай с гвоздикой. Кроме того, гренки с яйцом и котлеты, а для девушки – пирожное в форме изящного кленового листа. И кофе с корицей.

Настоящий пир.

– Любопытной оказалась лекция о катастрофе. Случившейся там, наверху, – протянул Элоуф, размешивая кофе ложкой с ручкой в форме птичьего хвоста. – Всё ли ты успела записать, драгоценная сестра? Ну а Вам – понравилось?

Лонфэр молча кивнул. Еда ввергла его в состояние ступора. Собеседник из него сейчас точно – не ахти.

– Фёрст сегодня собирался говорить о введении в зияние. Это самое начало Теории Пустот, – сказала Лиля, доедая пирожное. – Признаюсь, что ждала именно этого дня. Надоело, что Фёрст ходит вокруг да около. Мне кажется, можно уже приступить и к сути дела.

Вокруг звенели ложками члены клуба. Теперь Лонфэр уже был способен узнать кое-кого из них в лицо. Яичные гренки, выложенные на тарелке в форме бабочки, пахли молоком и тишиной.

Ещё немного, и он сможет окончательно довериться этим людям. Может быть даже, расскажет, что мать выгнала их с сестрой из дома. Откроет свои сны... Но это случится позже.

А сейчас он просто ответил:

– Мне тоже очень хотелось бы услышать о Теории Пустот. Или... как Вы сказали? О введении в зияние.

Скрытность вторая

Написано от лица пустот. Как обычно. Кто-то может подумать, что нам, пустотам, безразлично внимание к себе.

Это не так.

Мы знаем, что некоторые люди, и не только люди, пытаются смотреть на нас. Кое-кто из вышестоящих Чинов упрекает нас в скрытности. Несправедливый упрек.

Мы вовсе не склонны прятаться. Мы осторожны. Что есть – то есть. Если бы все пустоты лежали на видных и заметных местах, валялись на любом космическом перекрестке, то, согласитесь, это было бы неудобно. Ведь настолько бросающаяся в глаза пустота поневоле привлечет внимание двух-трёх, а то и целого десятка демиургов.

И далеко не у каждого из них будут чистые и невинные намерения. Особенно в полнолуние. Порой демиург может зацепиться за любое слово, даже такое простое, как луна, и за любое своё состояние, – при условии, разумеется, что оно у него есть.

Да, пустоты, зияния и даже самые крохотные норы в пространстве умеют себя защищать, притворяясь заполненными. Предположим, что продырявленности делают вид, что стали каплей росы на цветке или мелодией шарманщика, а то и закрученным хвостом сбегавшей от него обезьянки. Такая маскировка порой выходит успешной. Но есть одно но – бывают пустоты медлительные, а бывают скоростные. Об этом нюансе далее будет более подробное разъяснение в примечании. Но не теперь.

Не все пустоты способны быстро покрываться защитным коконом и превращаться в тень на мостовой. Или – залезать и заворачиваться, как в оберточную бумагу для селедки, в случайное зеркальное отражение.

И тогда кто-нибудь, вроде упомянутого выше чудака Вьефля, почти безобидного, но всё же уличённого Наблюдателями в чрезмерном интересе к условно тёмным слоям реальности, может взять пустоту в свои руки. Если эта самая пустота зазевалась и не смогла убежать. А такое порой случается.

Да что Вьефль! А он был уличён в дружбе с гримёршами, умеренно выдыхающими сплин и ядовитыми, и это совсем не шутки. Любой негативно настроенный болван сможет ухватить пустоту хоть за жабры, хоть за усы. А это не дело. У нас и без того уже тут чрезмерно скопились мириады и целые сгустки, галактики тёмных миров. Что вроде бы нужно для развития как людей, так и ос, и даже грибов, которые паразитируют на муравьях, – однако нельзя не заметить, что создания, живущие в тёмных мирах, страдают.

Их страдание дымит и тлеет чуть ли не на всё мироздание, что уже и совсем никуда не годится. Куда приятней обонять фиалки и эйфорию, а также любоваться на полет Пегаса в утренних солнечных лучах.

По этой причине каждая пустота всматривается в своего будущего демиурга тщательно.

Внимательно.

Поворачивает его действия, намерения, вдохновение и сознание и так, и сяк. Вытаскивает каждое намерение из-под тёмного камушка.

Прежде, чем позволить ему взять себя в руки.

И по этой же причине давным-давно Наблюдателями было принято решение «спрятать» пустоты в безымянном городе, в сером кубе. В эту местность нелегко попасть. И только самые настойчивые добираются в своих поисках теории пустот и зияний до самого конца.

Так что дело не в скрытности. И не в желании спрятаться ради намерения поиграть в прятки. И не в стремлении помучить ищущих будущих творцов.

Надеюсь, хоть как-то смогла пояснить для Вас эту ситуацию. С уважением, незаполненная и по сей день пустота Ант.№16794.

Пояснение создано в канцелярии серого куба пятого вторника в месяц орнифль, печать мимо проходящего дендроморфа поставлена, восточным ветром по имени Квентябрь надлежащим образом заверено.

3

...Отрывки Теории Пустот Фёрст уже поведал прежде Лонфэру в личной беседе.

Как-то они просто бродили по городу. От моста к мосту. Плыл и плющил пространство в спирали и ленивые коловращения поздний вечер. Улицы были почти пустынные. А уж возле реки им и вовсе встречались лишь курильщики и побирушки.

Ни одной необычной пантеры со шкурой, выкрашенной в ромбы арлекинных оттенков.

Ничего странного – лишь вечерний город: фонари, вывески, запахи жареного картофеля из форточек.

Фёрст сказал – участники клуба пока не заводили речь о главном. Ведь прежде все должны быть подготовлены.

Лекции об Архивариусе Кристаллов, огненном балансе и внутреннем городе – это лишь ступени. Фёрст, учитель, вдохновитель либо наставник, – как его не назови, он оставался самим собой, в тот вечер всю проявлял привычку нарочито кашлять. И прыгать с темы на тему.

Он говорил обо всём подряд.

О том, как мадам Офиленница на пятничном заседании клуба рассказывала о явлении ей в небе над крышами заболоченного района Подглюдицы так называемого Бормочущего Меча. Якобы, меч был опутан шелковыми лентами. Цвета крепких до удущья чернил. С которых на холмы сыпались буквы ныне неизвестных, давно утраченных языков. Кроме того, и об этом она тоже сочла важным упомянуть, шел снег.

То Фёрст сокрушался о том, как горько осознавать, что отдельно взятые пассажи Теории Пустот утрачены навсегда, поскольку испортилась бумага. И букв уже не разобрать.

То Фёрст пересказывал свой сон – как он мчал окрыленным львом по бесконечной пустоши, а морду и лапы его оведал горячий воздух.

То он признавался, что после бегства в пустыню во сне появилась снежная гладь. Полная острых крыльев, вонзившихся в сугробы наподобие рухнувших с небес колонн... Что это было? Он говорил: было похоже на разрушения, произведённые упавшими с небес руководителями высших материй. Непоправимо рухнувшими с высших полей очень давней битвы. Было ли это судебное разбирательство небесных чинов? Или только следы баталлий, более не играющих никакой роли? По рассказам учителя Лонфэр не мог понять.

Фёрст отвлекался на любой мост, по которому они переходили над рекой. Он подробно повествовал Лонфэру об особенностях строительства и исторических легендах, связанных с каждым местом. Он помнил все тонкости, мог поведать об истории создания статуи на всяком мосту. Он знал и о черном зайце, сидящем на яйце, и о феях, прыгающих на плоской шляпе мухомора. Знал и о статуе основателя Подглюдицы, стоящей на мосту Восьмирябинья. Он говорил и говорил.

Лонфэр где-то глубоко внутри себя даже удивился, как отчаянно можно любить реку и её мосты. Наконец, выпутываясь из собственных рассказов, словно из бесконечной спирали, Фёрст перешел к Теории Пустот. Это было самым важным. Теперь Лонфэр готов, и потому Фёрст может ему довериться... То, ради чего и создан клуб, – Теория Пустот. И скоро, он, Фёрст, расскажет в клубе именно о ней.

Чем больше Фёрст распространялся об этом, тем сильнее Лонфэр убеждается, что он почти помешан на этой теме.

На его лице возникали мерцающие белые пятна, дыхание сбивалось, в глазах загорался мутный блеск. Как будто у него начался жар.

По словам Фёрста, безымянный город и вся прилегающая к нему область, заражённые Теорией Пустот, могли бы в будущем стать подлинным местом паломничества людей искусства. Фёрст говорил: разумеется, это место – не мифическое Эльдorado, оно вряд ли сможет исполнить любое твоё желание. И оно точно не срабатывает как способ быстрого обогащения для тех, кто хочет золота. Но то, что это место может многое – правда.

Фёрст и сам знал далеко не всё, к тому же он выдавал сведения дозированно, но Лонфэр радовался и круплицам. Фёрст же твердил снова и снова, повторял на все лады – этот город мог бы стать местом паломничества для скульпторов, живописцев, арлекинов, поэтов и драматургов всех мастей, а всё почему? Потому что город, в котором жила Теория Пустот, предельно раскрывал во всяком художнике его потенциал.

Лонфэра интересовали подробности, и Фёрст рассказал. В самом центре города стоит здание. Нечто среднее между академией, библиотекой и алхимической лабораторией. Если ты можешь такое представить, то вообрази, говорил Фёрст. И вот там и происходит изменение, причем для каждого оно своё. Индивидуальное. Нет единого рецепта. Но в самом конце, после пребывания в этом сером кубе, – так или почти так выглядит здание, – ты вытягиваешь в мир своего внутреннего успешного демиурга. Фёрсту известно – есть некий секрет. Есть серый куб, вытягивающий из пустоты личный рай для отдельно взятой творческой единицы, объяснял Фёрст.

Бац! И ты обращаешься Сальвадором Дали и Да Винчи.

Уточним.

Разумеется, не ими, – а самим собой. Но тем собой, кто уже выбрался, пробивая головой потолок и пачкаясь штукатуркой, на новый уровень понимания полутонов, теней и бликов.

Лонфэр слушал Фёрста и тоже поневоле начинал волноваться. Кажется, и у него поднималась температура. Хотелось, – нет, даже требовалось, – знать о Теории Пустот больше. Знать всё.

Учитель пояснял: безымянный город потому и скрыт, что сфера применения пустот огромна почти до безграничности. Начинать изучать нужно с введения в зияние. Это самый маленький и лучше всего сохранившийся отрывок рукописи, которым они располагают. Есть еще и отдельная классификация пустот – они не все одинаковы, среди них встречаются зияния, продырявленности и трещины, а также еще очень много разновидностей пустотностей. Бесчисленное множество. Чем свободней ты в этом ориентируешься, тем полнее ты проявишь себя позднее как демиург.

Нашествие желающих испробовать воздействие пустот на себе может испортить редкостную атмосферу этого места. Например, запачкать его.

Всё неслучайно – дорога туда открывается лишь тем, кто сможет изучить язык. Преодолеть препятствия.

Какие?

Например, потребуется пройти через огромную пустыню с зыбучими песками. Что касается языка, на котором общаются лишь обитатели безымянного города... и на нём же написана и Теория Пустот, – что касается этого языка, у нас в распоряжении сплошные белые пятна.

Увы, у нас есть лишь разрозненные обрывки теории. Кроме того, учебник грамматики, чуть-чуть словарей и ботаническая энциклопедия, которая может поведать о растениях той местности.

Впрочем, безусловная ботаническая принадлежность энциклопедии относительна, поскольку иллюстрации лишь с большой натяжкой можно назвать изображениями растений и трав. Или тем, что мы привыкли называть таковыми. В этих созданиях просматриваются как лепестки и листья, так и нечто похожее на винтики рукотворного механизма. Совиные глаза и рыбий хвост, гвозди и шурупы.

В тот вечер учитель сказал еще много чего, но Лонфэр довольно скоро перестал его понимать.

Впрочем, для себя он уже тогда сделал вывод: введение в зияние, теория пустот – вот то, что ему надо изучить в малейших подробностях.

И сейчас, сидя в столовой Архива и слушая Лилю, он понял, что Пустоты и безымянный город заворожили не только его. Лиля, к слову, выглядела полностью поглощенной темой изучения пустот.

Однако они еще мало знали друг друга, потому закончили обед в молчании и также молча спустились в комнату с пюпитром.

Почти все члены клуба уже были здесь. Кто-то курил, кто-то шуршал страницами записных книжек. Слышны были и свойственные библиотекам кашель и тихое ворчание.

Лонфэр сел на место, отмечая, что Лиля и её брат теперь сидели к нему ближе, чем раньше. Он подумал – может ли он уже назвать их своими друзьями? Они отнеслись к нему так дружелюбно, что он почти почувствовал себя частью семьи. Его мысленные потоки благодарности, излучаемые им во вселенную, были внезапно сорваны, словно лепестки с цветка. Появился председатель клуба. Он же – учитель и тот человек, кого все здесь привыкли называть Фёрстом.

У кого-то от волнения упал на пол блокнот.

– Сегодня я расскажу Вам... Сегодня мы с Вами... начнем изучать введение в зияние. Речь пойдет о зияниях и пустотах. Всех секретов сразу не ждите, но возможно, я смогу хотя бы подступиться к теме.

Далее он повторил всё то, что уже говорил Лонфэру во время прогулки по мостам. О трудностях пути к безымянному городу, о тумане над пустыней, где можно сгинуть. О цепях, которые нужно с себя сбросить. И наконец, о буквах, лексике, морфологии и синтаксисе имеющих в их распоряжении отрывков текста.

Не то от волнения, не то от рассеянности, но Лонфэр постоянно терял нить лекции, из которой исчезали целые куски.

Словно камни, падающие с вершин в глубокую яму, неотвратно и окончательно. Почему-то до него долетали лишь клочья смыслов, одно и то же, снова и снова: путь в безымянный город сложен и почти нереален для прохождения, серый куб стоит в центре города, к нему ведет галерея.

В её нишах обитают Боги.

Здесь Лонфэру наконец удалось сосредоточиться. И он вник в слова Фёрста более внимательно:

– Не могу не поведать Вам подробности об этой Галерее... Поскольку, если вы увидите нечто подобное поблизости, можете быть точно уверены, что находитесь в безымянном городе. То есть – Вы на месте. Почти дошли. Боги, которые стоят в нишах по бокам, похожие на картины на стенах или статуи, необычно выглядят, их сложно описать. Я знаю далеко не всех. Но кое-кого мог бы перечислить по именам. Откуда мне известно? А просто их список есть во введении в зияние. И каждый может его прочитать. Бессонник, Сторож Света, Архивариус Кристаллов, Хранитель Времени, Хвост, Минотавр, Плавающий трамвай и Сердце. Пробуйте сами вообразить каждого из них, отгалкиваясь и начиная бежать просто от имени. Я же, в свою очередь, постараюсь описать их для вас.

Фёрст ненадолго умолк, глотнул воды. Заметно было, что он старается сосредоточиться еще больше.

– Итак, начнем с тех, рассказать о ком будет легче. Бессонник. Он сидит в первой нише. С него начинается ряд. Он весь покрыт узкими лентами, с ног до головы. Эти ленты похожи на медицинские бинты, но являют собой нечто иное. Ведь бинты там не нужны. В галерее демидургов такого понятия, как боль, не существует. Если точнее, то боль у них, возможно, и есть, – но она другого порядка, чем наша. И слово для нее должно быть использовано иное. Сквозь полоски ткани просвечивает его лик. Из моего неуклюжего описания Вы можете сделать вывод, будто он похож на мумию. Но это не так. У него за спиной, и это не подлежит обсуждению, есть крылья. Я их видел. Кажется, они пигментированы чрезвычайно ярко – помню голубой цвет такой силы, что ни темпера, ни масло не смогут его передать на наш материальный план. Встречается такой оттенок нечасто. Но порой – всё-таки да. Чтобы продолжить рассказ о том, как выглядит Бессонник. С виду он напоминает ангела, который свалился сверху по неосторожности. Может, в результате несчастного случая. Бинты делают его одновременно похожим ещё и на заключенного лечебницы, одетого в смирительную рубашку.

Почему это существо зовётся так?

Он никогда не спит, но при этом иногда видит сны с открытыми глазами. В его сознание плывут, наползая друг на друга, итоги посторонних сновидений. Все вещи, все состояния и тревоги, которые созерцают люди, кошки, диффенбахии, кактусы, камни и лестничные перила, – всё это он рассматривает в своём бесконечном бдении.

В руке Бессонника зажата лупа для пристального изучения деталей, в другой – сачок для бабочек. Ячейки в сачке очень мелкие. Сквозь них почти не пройти. Нужно быть отчаянно храбрым, чтобы с разбега нырнуть в подобное сито.

Если мы отважимся пойти дальше, не повернем назад, испугавшись, – то в следующей нише мы увидим создание, которое отзывается на имя Сторож Света. Всё его тонкое гибкое тело закручено в спираль. В блестящих длинных волосах заблудилась звездная пыльца. Его плечи словно скрыты глазурию. В пальцах, изящных, как лапки лемура, он крепко держит светящийся сосуд. Сторож охраняет этот свет от притязаний окружающей его пустоты. Ведь почти каждая пустота стремится проглотить и прожевать любой, даже самый маленький свет: если у пустоты есть в распоряжении источник света либо огонёк, вселенную вокруг него создать легче. Проще простого.

Продолжаю рассказ о Стороже Света. Его плоть, вещество и невещественность сотканы из волокон тепла. Из воображения и несбыточных фантазий. Волокна похожи на тщательно и особым образом перекрученные между собой плотные веревки. Кого мы видим дальше, продвигаясь в этой галерее?

Есть там Привратник Камней – старик с голубыми волосами и древесными корнями вместо ног. Сердце Привратника сделано из кусков аметиста.

Привратник охраняет дверь в мир каменных леопардов, тающих в воздухе кристаллов и летающих островов. Острова попирают законы гравитации. Каменный привратник выполняет свою миссию – открывает дверь в царство кристаллов лишь тем соискателям, кто достоин войти.

Далее. Хвост. Это создание похоже одновременно и на змею, цаплю и ядовитый гриб. Чем славится сей страж? Он повелевает хвостатыми созданиями. Теми, кто согласно теории пустот, и был самыми первыми творцами безымянного города. Это случилось в далеком прошлом. Они создали фундамент, основу. Они вылепили первые здания города с помощью собственной разноцветной слюны. Позже на фундаментах этих зданий, грубых, приземистых и похожих на великаны, выросли первые башни, на крышах которых потом были возведены дворцы и библиотеки. Их строили иные демиурги. Но пока мы говорим о самом начале. Об основании. Хвост – покровитель змей, черепах, тритонов и амбосфен.

Идем дальше... у меня перехватывает дыхание, когда я вижу новое лицо, выступающее из ниши. Это Создатель Перевернутого времени. Он не только создает время, но и хранит его. В его ладонях возникают галактики. Для этого он ничего не строит и не мастерит. Его инструменты – исключительно созидание и воображение. Голубая кожа, узкое лицо с почти закрытыми глазами, длинным носом и отсутствием рта, – так он выглядит. Но большего я не могу Вам сказать: ведь каждый человек встретит Хранителя Времени в определённый час. И увидит его согласно собственному разумению, своими глазами.

Он сидит неподвижно, вырастая из скопления не то рыбьих косточек, не то опустевших раковин моллюсков, не то мокрых кристаллов. Такие материалы он использовал для строительства себя когда-то прежде, очень давно... Потому что раньше время рождалось медленно, в час по чайной ложке, собирая себя буквально по песчинке. Хранитель держит в длинных пальцах знак, похожий одновременно на перевернутый глаз, спираль, ключ или лестницу. Внутри этого глаза-знака и рождается новая вселенная. Каждый раз иная и не схожая с предыдущей ничем. Не очертаниями. Не почерком. Не творческим стилем.

Хранитель времени шепчет что-то, а что – мы не можем разобрать... Для того, чтобы понять, нужно подойти поближе. И тогда проявятся слова, проявленные в густых сумерках, опознанные, а значит: возможные. Хранитель бормочет набор слов, похожих на закливание: «Три восклицательных знака соответствуют дождю, что иногда выпадает в безымянной пустыне. Треугольник со свисающими вниз нитями-точками – значок, согласованный с самой прозрачной пустотой. Возможно, она появилась одной из первых, но научно это в наших широтах не доказано. Два крошечных кружка, соединённые рыболовной леской с крючком и боковым ответвлением – они показывают не что иное, как танец. Это две мелкие пританцовывающие пустоты, а вовсе не капли воды и не распадающиеся на калейдоскопические осколки

сверкающие пылинки. Что есть ещё? Зигзагообразная линия с пересечениями на самой верхней своей точке – громоотвод. Не символ приёмника молний, а сам он есть. Иногда демиургам необходимо, чтобы на крыше их дома был расположен качественный ловец молний, – высокий и остроносый, непременно с тросточкой, с иглами и чертополохом на каждом покрытии и ответвлении. Дескать, атмосфера в домиках, на крыше коих заботливо установлены ловцы молний, способствуют более быстрому и вдохновенному заполнению пустот – молния сразу включает творческий поток, демиург отбрасывает в сторону всякую лень, бегаёт по стенам и потолку с пустотой в руках, играет временем, исключив к нему даже минимальное уважение, что для времени – хорошо. Знак, похожий на спираль с хвостом-стрелкой, говорит об отсутствии мишеней. С определённых изрядно будущих и давно ушедших точек зрения до нас дошли указания, что в безмянном городе никто не должен упражняться в стрельбе по мишеням, ни с целью повысить свой навык, ни для игры ради самой игры. Именно поэтому и появился знак „мишень“, заявляющий: мишеней здесь нет. И еще пара небольших символов, совсем простых – сова в короне и лист дерева, покрытый шахматными клетками. Последний, невзирая на простой силуэт, означает среднюю арлекиновую пустоту. Почему именно среднюю и почему арлекиновую? На любой полке в шкафу, где хранятся пустоты, предназначенные для заполнения, есть пустота, которая лежит в середине. Ни с краю, ни справа, ни слева, а именно в середине. Ну, просто так получилось. Почему же такая пустота называется ещё и арлекиновой, и при близком рассмотрении старается принять силуэт древесного листа? Поди её разбери... И всё-таки, нам думается, что в далеком прошлом такие срединные пустоты очень любили, чтобы их заполняли высокими и дремучими лесами. А над лесами чтобы покачивались огромные дирижабли с цирковыми арлекинами на борту. Отсюда логически и получается, что знак – именно такой, какой есть».

Из плеч Создателя времени вырастает нечто вроде деревьев. Их ветви расплываются, словно блики на воде, волосы или нити, водоросли или усики насекомого, а после они постепенно обретают собственную устойчивость и зрячесть. Как может выглядеть существо, способное создавать время? В каких играх оно играет? Оно соткано из голубого света. Это сияние похоже на поблескивающую изнутри самой себя игуанью кость: и если кто-то из Вас знает хоть что-нибудь об игуанах сновидений, которые подробно описаны на сто сорок восьмой странице Теории Пустот, он понимает, о чём я.

Что касается цветовой гаммы, здесь наблюдаются контрасты и двойственность: красный оттенок спекшейся крови в волосах и голубые кристаллы, которые являют собой руки и ноги Хранителя. Его удел – неподвижность. Тишина. Сосредоточенность. Нам, людям, муравьям и муравьедам, не понять, как именно из «нигде» и «ничего» рождается изменение и измерение времени. Но это происходит. И если время уже родилось, приходит очередь Минотавра.

Сидящий в своей нише, он словно всегда старается покинуть галерею – такой уж у него образ. В нем просвечивает стремление на свободу. Ощущается пружинный порыв во всём его теле. Может, он совсем заскучал в лабиринте? Любое существо, где-то надолго застрявшее, рано или поздно вознамерится вырваться.

В татуировках, заштриховывающих сплошным ковром шкуру спины и рук, можно разглядеть силуэты сов и пчел, лодки и облака, звезды и вереницу слепцов, покорно бредущих за поводырем в глубокую яму. Здесь нужно предложить Вашему вниманию отдельную повесть о лягушачьих слепырях, которые однажды могут стать стрекодельфами. Но сейчас не время. Чтобы раскопать, кто они, те или другие, Вам придется провести самостоятельные изыскания, порывшись в примечаниях. Например, в их отдельных, не связанных друг с другом ветках. Кажется, ветка о стрекодельфах идёт в тексте как раз после упоминания о Минотавре – они ведь связаны напрямую из-за лабиринтов; первый живет в них, а вторые – лабиринты строят.

После Минотавра, в следующей нише, мы видим Плавающий трамвай. Уникальность созерцаемого транспортного средства в том, что люди, которых трамвай перевозит, никогда не сгорают. Это так называемые пламенеющие люди.

Фёрст говорил долго.

В конце концов, он закашлялся...

Все члены Клуба терпеливо ждали, – было ясно, что он ещё не завершил свою речь.

– Каждый из них, и все они вместе, и многие, мной сейчас не упомянутые, ибо их число иногда нарастает, а порой убывает, – все они встретятся на пути к серому Кубу. По дороге к Теории Пустот. Есть там безликие создания, и в складках их капюшонов вы увидите звёзды и просвечивающую сквозь них безмянность. Есть там и Богини, хранящие внутреннюю пустыню и всех ее скорпионов и чудищ, вместе со спрятанными в барханах и бархатных складках плащей руинами. Есть там Дома, одетые в женские платья, жабо и шапки, сквозь дыры которых сквозит ржавая черепица и изящные дымоходы, похожие на зелёные усы клубники, есть Деревья с татуированной корой и арабесками на каждом повороте ветки к солнцу и луне... Многие в галерее покажутся Вам восхитительным, кое-что – невыносимым. Заставляющим крепко зажмуриться. Если Вы попросите меня описать внешность и повадки этих созданий, я вряд ли сумею сделать это быстро. Я и без того уже постарался, как мог. Теперь Вы все имеете хотя бы слабое представление о них. А это уже сможет добавить устойчивости тем из Вас. Кто туда всё же доберется.

Фёрст опять ненадолго прервался. Как будто подыскивая нужные слова. По большей части это были прилагательные и причастные обороты. Перекатывающиеся у него во рту, как орехи.

В итоге, вероятно, он так и не смог найти лучшее образное воплощение для созданий, что стояли в галерее, ведущей к серому кубу. И просто продолжил говорить то, что он мог:

– Знаете, лучше один раз увидеть. Сколько бы я не рассказывал, всё будет мало. И я верю, что хоть кто-то из Вас сможет добраться до безмянного города. И посмотрит сам. Эти существа, фигуры, двери или боги, кем бы они не являлись, стоят на дороге к серому кубу.

Внутри куба хранятся ответы на все вопросы касательно Теории Пустот и Зияний. Внутри куба каждый странник, кроме самих жителей Безмянного города, может пройти процесс преобразования. И тогда из ничего, из пустоты и мусора рождаются цветки. Именно поэтому я никак не мог избежать описания этой галереи. Может быть, тогда, если вы попадете в город, легче будет понять, что Вы на верном пути. Ведь там довольно легко заблудиться. Безмянный город – родной брат похожего на него города из страны ветров. Но при этом сколь же они все-таки разные. Их легко перепутать, и тогда Вас затащит внутрь совсем другого места. А именно – внутрь Маяка. С его ежегодным балом осенних ветров. Кончики их крыльев остры, как бритва. Этого лучше избегать, если ты ищешь путь внутри серого куба. Итак...

Фёрст снова закашлялся, ему поднесли стакан воды. Он осушил его мгновенно. И продолжил:

– Итак, не стоит путать дорогу к серому Кубу с дорогой к Маяку ветров. Или к сердцу лесной чащи, где обитают доисторические пикси. Вам могут встретиться и водовороты, и обломки потерпевших кораблекрушение судов, и аксолотли, живущие в улиточьих раковинах. Будьте готовы к тому, что на пути Вас захотят запутать. Что вам будут мешать. Зеркальные и картофельные эльфы, к примеру, обладают шаловливым нравом. Иногда их просто хлебом не корми, дай только заморочить и сбить с пути. И всё это просто из любви к искусству. Но повторюсь, вот что мне известно точно: если Вы увидите коридор, нечто вроде галереи, в нишах которой стоят то ли статуи, то ли ступени, то ли зеркала, то ли картины, одним словом, стражи, хранители, смеющиеся – значит, Вы там. Вы пришли. Ведь там встречаются они – хохочущие захлеб бессмертные. Называйте их, как хотите. Суть дела от этого не изменится. Но они там точно есть, и каждый из них может открыться как дверь. А может и не открыться. Может быть так, что

Вы увидите одно из этих созданий: Хвоста, Архивариуса Кристаллов или Хранителя Времени, и в каждом за открытой дверью обнаруживается еще десяток дверей. Вы пойдёте туда, и найдёте за Хранителем Времени дверь, открывающуюся в комнату с прохладой, дверь, ведущую в разбавленный фиолетовый цвет, выкрашенную лазурной краской, которая потрескалась еще в сыром, звучащем всеми скрипками и флейтами прошлом. А кроме этих двух дверей – обнаружите новый десяток проходов, арок и нор, ведущих в те пространства, где живут новые разновидности времени: шершавые, лохматые, чешуйчатые, иссушённые пустынными ветрами, квадратные и изломанные. Существует за своей дверью и время, похожее на прозрачный лепесток молчаливого цветка. А есть время – мыльный пузырь. Есть – стальное волокно. Сновидение зебры. Выпавший молочный зуб василиска. Стена без единого окна. Время, сжимающееся в комок выпавших волос, и время, утраченное без надежды на восстановление.

И столько же дверей обнаружится за каждым стражем, если хорошо поискать.

Надеюсь, после столь подробных разъяснений Вы поняли, что оказались именно в галерее. А это значит: серый Куб совсем рядом.

Кроме статуй богов в нишах галереи, ведущей к Теории Пустот, живут и более привычные для нас создания. Существа из плоти и крови. Жрицы и жрецы божеств и демонов, которые в рутинной жизни работали пекарями или водителями троллейбусов в безмянном городе. Но ночами в галерее вели жизнь жрецов. Законом это не запрещалось. Кое с кем я был знаком, хоть и давно. Ох, какими же чудачками они были, доложу я Вам. И не только сами жрецы, но их домашние животные и растения тоже... Так, одна жрица поила свою кошку, тощую, словно костлявый степной алмоциддон, абсентом. Она звала ее зеленой феей. Можете себе такое вообразить? Другой монах, который «обслуживал» статую Минотавра, но не считал себя жрецом, а настойчиво самоназывался «хранитель ключа от лабиринта», – он так и говорил: я, мол, человек маленький, всего лишь ухаживаю за дверью. Чиню и кормлю дверь. Так вот, он поливал растущий подле основания статуи плющ и водосбор исключительно грибным супом. Только горячим пряным супом, заправленным чесноком и черной редькой. Там, в этой галерее, шли нелепые дела – плющ в темноте плевался искрами. Он рос в длину, безудержно, как сумасшедший. А кошка, опоённая зеленой феей, вместо того, чтобы дремать или играть с ночными сверчками, как и положено кошкам, носилась среди божеств, будто крылатый пегас. Сами жрецы, кроме обычной еды, пили еще и воду с растворённым в ней пеплом. От сожженных географических карт, указывающих дорогу в безмянный город.

Фёрст говорил и говорил.

Но Лонфэр, слушая его, понимал: и всё же, до сути теории так лектор так и не добрался...

Он даже не добрался и до введения в зияние.

Оставалось признать – то были лишь подступы к теме.

Осторожные и витиеватые.

Как лестница, покрытая густым слоем палой листвы. Вот листья шуршат, переползают со ступеньки на ступеньку, как тритоны, стучащие лапками. Летучие мыши, мерцающие своими крыльями-шпагами. Словно хромоногие пираты, сухие листья каштана и клена перебираются со ступеньки на ступеньку. Высота для них не помеха. Здесь их встречают привидения, как робкие, так и смелые, – эти лестницы, ведущие к сути концепции теории пустот, кишмя кишат призраками. Используйте лопасти парового винта, чтобы достигнуть цели, возьмите отполированные весла для своей дырявой лодки, способной плавать лишь на поверхности вчерашних облаков.

Любопытное, но весьма расплывчатое хождение вокруг да около. Вероятно, таким образом Фёрст хотел подготовить членов Клуба к восприятию самой сути Теории как таковой... А возможно, и самого себя хотел подтолкнуть к тому же.

Неожиданно для всех в клубе он свернул и скомкал свою речь, сказав, что о дополнительном собрании Клуба, дескать, будет объявлено позже. И вот тогда он и поведает нам тонкости Теории Пустот. Что, безусловно, потребует немало времени.

Лонфэр сидел неподвижно. Он ощущал себя пьяным в стельку.

Фёрст исчез, как в воздухе растворился. Ему даже не успели задать разъясняющие лекции вопросы, – если кто и собирался это сделать.

– Сегодня было самое вдохновляющее заседание клуба, правда же? – выдохнула Лиля, обращаясь явно к нему, Лонфэру. – О таких непостижимостях мы прежде не слышали.

– Не слышали, – согласился тот, отстраненно, как эхо.

– Боги... – сказала она, – о которых он говорил. Они не похожи на тех, о которых мы читали и слышали прежде. Знаете, что? Может быть, Вы пойдете с нами, к нам в гости... Мы Вас приглашаем. Правда ведь, Элоуф? Мы живём совсем рядом. Можно сказать, в двух шагах. Мне кажется, мы все нуждаемся в том, чтобы осмыслить услышанное. И сделать это веселей за едой, – за куском шоколадного торта, к примеру. Вам нравится торт, Лонфэр?

Запомнила мое имя, подумал тот, слегка отрешенно. Он всё еще пребывал под впечатлением от лекции.

– Брат печет великолепные торты. И как раз сейчас дома нас дожидается именно такой экземпляр кулинарного искусства.

– Мне очень хотелось бы пойти к Вам, честное слово, – сдался Лонфэр, растаявший от тепла этих людей. – Только мне нужно сегодня вечером быть на кладбище. Знаете, есть у нас такое восточное кладбище. Со статуей Минотавра в центре. Это связано с работой, и потому...

Но они все-же его уговорили. И повели к себе, уверяя, что «здесь совсем недалеко». И что на кладбище со статуей Минотавра он обязательно успеет, поскольку оно расположено поблизости от их дома. Надо же, какая удача... Пока они шли по улице, прочь от Архива, вдоль реки Архонт, вдоль фабрики фарфоровых игрушек, вдоль скотобоен с их неприятным запахом, – пока они шли, Лиля забавлялась, как дитя, играющее осенними колокольчиками. Кружилась на ровном месте, подпрыгивала и цокала каблуками. Смеялась любой шутке брата, даже если они были не смешными, и повторяла: «Ну надо же, работать ночным сторожем на кладбище, как необыкновенно!» Вы не обращайте внимания, Лонфэр, на нее порой находит, веселится на пустом месте, оправдывался брат, делаясь еще больше похожим на восклицательный знак. Мерцающая ярким шарфом, как радугой. Любопытно, сходят ли радуги с ума? – подумал Лонфэр.

В старом доме с восемью разнокалиберными трубами и внешней винтовой лестницей поверх фасада, квартира дышала таким уютом, что Лонфэру сразу захотелось, чтобы рядом оказалась его собственная сестра.

Он подумал – где она? Всё ли с ней хорошо?

У них и правда нашелся торт – с невозмутимостью рыцаря, закованного в серебряные латы, громоздился на столе в гостиной.

– Как думаете, возможно ли это – всё-таки попасть в Безымянный город? – спросила их Лиля. – Я довольно неплохо знаю область к юго-востоку от Зеркальной Хтони. Во время студенчества провела там немало времени на раскопках стеклянных кладбищ, и потому...

Она приготовила для всех какао. И теперь размешивала сахар ложечкой, словно думала вслух – сосредоточенно.

– Лиля – археолог, – заметил Элоуф. – Она и правда немало поскиталась на раскопках, знает толк в путешествиях.

– Дорогой брат, – откликнулась девушка. – Ведь я не выдаю твои секреты. Зачем же ты выдаёшь мои? Да, моя карьера археолога не удалась. Но ведь это не повод насмешничать.

Было заметно, впрочем, что она не обиделась. Это явно была их обычная манера общения.

– Лиля на раскопках наткнулась на старый и неизученный слой глины, – по слухам, именно из него сделали первого в истории Голема, и произошло это в Зеркальной Праге. А после у нее началась аллергия не только на эту глину, но также на все прочие суглинки и черноземы. Как ни печально, сестре пришлось оставить археологию. И теперь мы живем уже исключительно за счет меня.

– Элоуф – флорист, – влезла с объяснением Лилия. – Он многое может поведать тебе о бергассе и спатикулуме, а уж об эуфорбии и розах и вовсе знает всё, что угодно... Кроме того, иногда, в особенном настроении, он выпекает пирожные, которые охотно принимают на продажу в кондитерской «Ультрамариновый крылатый кролик». Так что мы не бедствуем. А ещё брат умеет гадать на таро. Думаю, сейчас мы попросим его посмотреть ответ на вопрос: можно ли вообще найти безымянный город. Это реально? Готов ли ты, Элоуф?

За окном стремительно густели сумерки. Еще немного, и вечер искупает весь город в синеве.

Вечер будет обращаться с Подглодицей как искушенный любовник со своей дамой. И тогда все улицы, реки и площади утонут в полумраке, словно в аромате специй и горького шоколада.

Лонфэр думал: занятно было бы взглянуть на Элоуфа за работой. Люди порой проявляют себя ярче всего за делом, которым они привыкли заниматься. Они хороши в том, что является для них рутиной.

Вот он сидит в цветочной лавке за прилавком – стеклянная витрина запотела от испарений ботанического мира, от всех ландышей, гладиолусов, хризантем, эустом, гербер и гортензий. А он знай себе колдует над букетом или цветочной корзиной – плетет из проволоки затейливый каркас, похожий своими вытянутыми к небу линиями на северное сияние или готический храм.

После он размачивает в воде изумрудно-мрачный кирпич губки, чтобы положить ее в корзину и потихоньку, подбирая оттенок к оттенку, аромат к аромату, – и вот он уже словно нанизывает нужные ноты в нити в нотном стане, прицепляя гармонию к гармонии, изящный и отчаянный, словно слеза подростка, музыкальный ключ, ключ Соль, ключ До, ноты фа и си, и вскоре, из творческих терзаний, рождается букет цветов. Хрупкий, со слегка подвядшими лепестками альстромерий и ирисов.

Уже позже, не в этот вечер, Лонфэр убедился, что не только Лилия и ее брат имели нескучные профессии. В их дом приходили приятели разного и эксцентричного рода занятий – мим, танцующий по ночам в скверах, но только с действующими фонтанами, хищными птицами и лишь для определенного круга зрителей, коллекционер тромбонов, таксидермист, кинорежиссер немых лент, парикмахерша и портной, который шил платья в стиле семнадцатого века. С тяжелыми юбками на каркасе и шлейфами. Приходил попить чай с мелиссой даже один трубочист.

Кстати, если уж говорить о платьях на каркасной основе. Лонфэр наконец увидел торт, ради которого они и привели его сюда. Он возвышался на столе, однако всё это время был прикрыт юбкой старинной фарфоровой куклы. Роспись на юбке напомнила Лонфэру спиральные галактики вселенной: россыпь мерцающих звезд, нежность совиных птенцов, слушающих скрежет мышей под землёй и треск планет, вращающихся вокруг своих крупных отцов.

Прежде, еще будучи подростком в материнском особняке, Лонфэр поймал себя на страсти к изящным вещам. Благо, что у матери в доме такого добра был переизбыток. Редчайшие статуэтки, антикварные издания Шекспира, музыкальные инструменты древних эпох, изготовленные для скрипачей и арфистов исчезнувших цивилизаций. Хоть он и вырос в таком окружении, по-настоящему глаза на всю эту красоту у него открылись лет в тринадцать.

Часами он просиживал где-нибудь в углу, под светильником, вооружившись лупой и рассматривая крыло бабочки на миниатюрной иллюстрации к «Буре» Шекспира, или китайского дракона, изготовленного в форме щипцов для колки грецких орехов.

Заметив, что Лонфэр рассматривает куклу, Лиля заметила:

– Досталась в наследство от дяди, очень старая. Он говорил, она родом из Зеркальной Праги, и с ее приобретением связана необычная история. Когда-нибудь я тебе расскажу. Кстати сказать, именно дядя впервые поведал нам о клубе и о Фёрсте.

И тут ее брат жестом фокусника, – так снимают с головы шляпу с перьями, приветствуя герцогиню, – поднял куклу за её птичье крыло. И под юбкой обнаружился спрятанный торт.

Шоколадный и украшенный клубникой.

«Почему они так расположены ко мне?» – снова невольно подумал Лонфэр.

– Посмотрим, что скажут нам таро, – заявила Лиля, когда они съели каждый по огромному куску. Пахнущему спелым июлем и гвоздикой. – Брат, спроси: что они знают про дорогу в безымянный город. Так ли сложно в него попасть, как утверждал учитель?

Элоуф достал из медной шкатулки, похожей на пиратский сундук, колоду таро. Перетащив ее жестом фокусника, немного кривляясь, что не вязалось с его манерой поведения.

Рубашка карт мерцала переплетениями терновника, бликовала птичьими перьями и переливалась алхимическими символами. Всю эту стилистическую смесь объединял уроборос, съедающий собственный хвост.

Элоуф вытащил из колоды три карты. Разложил. Перевернул.

На одной птицы пытались свить гнездо поверх покрытого бледностью женского лица.

Что это, невольно спросил себя Лонфэр? Неужели птицы выют гнезда на трупах? На второй карте два рыцаря в латах бились друг с другом, а в ногах у них сцепились василист с алконостом. Третья карта показала Луну, краба, выползающего на скользкий от водорослей берег, присмирившую собаку и оскаленного волка, и разумеется, две высокие каменные башни, увитые плющом.

Три карты, выложенные на стол рядом, выглядели достаточно мрачно.

– Что скажешь, брат? – спросила Лиля. – Хотя я и сама вижу луну. Она говорит об иллюзорности.

– Да уж, – согласился Элоуф. – Даже если дорога в безымянный город и существует, она точно будет непростой. Девятка мечей и пятерка жезлов тоже предупреждает о сложностях. Думаю, если учитель всерьез решил посвятить себя поискам реального, а не воображаемого безымянного города, то ему бы лучше заранее как следует подготовиться. Изучить все записи о городе и о Теории Пустот, какие только можно. Ведь видно, что он буквально одержим этим. Ни одна идея раньше не захватывала его так всецело, разве нет?

– Да, – согласилась она. – Хотя у Фёрста было много идей. Мы ещё это помним. А эта теория возникла относительно недавно. Но уже заморозила не только его самого, но и весь клуб.

– Карты говорят, что одержимость в этих поисках вряд ли пойдет на пользу.

– И все-же, ему многое известно, – сказала Лиля. – Как Фёрст говорил о галерее... Просто с ума сойти. У меня до сих пор стоят перед глазами эти образы. Особенно Бессонник.

– Особенно Бессонник, – повторил за ней Элоуф. – Ну а ты, Лонфэр? Что скажешь?

– Знаете, с вами рядом я чувствую себя так... как бы это объяснить? Словно набрался вдохновения на много дней вперед, – признался он.

И добавил:

– Согласен, что Бессонник – ошарашивает.. не уверен, что это возможно – придумать такое существо. Высосать из пальца. Так что он точно где-то есть. Я в это верю.

– И мы верим, – сказала Лиля.

– Как считаете, эти стражи галереи имеют неземную природу? Или они – нечто вроде ожившей галлюцинации? – спросил Лонфэр.

– Касательно Создателя Перевернутого времени и Бессонника я уверена. А если говорить про Минотавра – сказала Лиля, – он всё же принадлежит к разряду чудовищ.

– Он относится к классу териантропов, если уж быть предельно точным, – заметил Элоуф. – Наполовину человек. Наполовину – животное.

– Статуя Минотавра стоит в центре кладбища, которое я сегодня буду сторожить, – зачем-то сказал Лонфэр.

– Интересно, – воскликнула Лиля. – Значит, на следующей встрече ты сможешь рассказать о своём опыте. Может, поймёшь, куда отнести Минотавра. В ряды богов или всё же в разряд териантропов. Знаешь, брат в прошлом писал нечто вроде научной работы об искусстве териантропов. Ты только вообрази, каким могло бы быть их творчество... Представил?

Лонфэр пожал плечами.

– Я исследовал пограничное пространство, – охотно пояснил Элоуф. – То, чего нет, но что может быть. Я писал о том, какой может быть скульптура русалок. Музыка сфинксов. Поэзия минотавров. Архитектура амбисфен. И так далее. И тому подобное... Разумеется, работу, лежащую в сфере столь отвлеченных материй, в университете не согласились профинансировать. Я не смог продолжить. Ведь нам с сестрой нужно как-то держаться на плаву. На многое просто не хватает времени. Но я не теряю надежды, что когда-нибудь смогу вернуться к териантропам. Впрочем, мы отвлеклись. Мы же говорили о Бессоннике.

Лонфэр задумался. Бессонник, по описаниям Фёрста, выглядел болезненно. Как будто он был истощён – то ли из-за пройденного пути, то ли из-за работы. Кем он был? Почему стал одним из тех, кто охранял галерею, ведущую к Серому Кубу?

Ответов не было.

Как знать, может, они придут позже.

Пока Лонфэр хотел больше узнать о пустотах.

Из фрагментов введения в зияние, в которые ему удалось вникнуть, он понял пока лишь, что существуют особые разновидности пустот.

Зияния, судя по записям, являлись чем-то вроде прорех в ткани бытия, малозаметных и тусклых. Нерешительно робких. Это были как бы эмбрионы пустот. Хотя, бесспорно, Лонфэр мог ошибаться, но пока он прочувствовал и понял текст так. Сквозь зияния что-то едва ощутимо сквозило. Сквозняк этот исходил из зазора между мирами, а зазор возникал именно из-за зияния.

Пустоты могли рассказывать о себе, пусть и косноязычно, невнятно. Но они уже многое понимали, знали и были способны отдать в окружающее их пространство этот шепот, эти сведения. Лонфэр прочитал несколько расшифрованных Фёрстом монологов пустот, лежащих на полке в шкафу внутри серого куба.

Он почти ничего не понял, и даже многочисленные пометки и примечания Фёрста ему отнюдь не помогли. Он читал и по-честному старался вникнуть в новые смыслы, но они были похожи на лестницу, по которой ты упорно поднимался, а она внезапно обрывается в пустоту.

Фёрст рисовал в своих комментариях к тому или иному слову пустоты поясняющие знаки. У пустот и зияний был собственный язык, так что предложение из текста могло выглядеть так: «Лежащий на стене маяка плющ утомленно расшаркивается в полном бессилии, оллахаэ, в то время как как Глория бежит по канату, омуэль, икс, хотя в спешке нет нужды. Ветры присутствуют, спят, просматривают сны, но ни одной капли дождя, ни одного дендроморфа». Фёрст всерьез старался расшифровать эту абракабладру, из которой Лонфэру, безусловно, были знакомы и понятны слова «дождь» или «маяк», но вот что значило начертание «омуэль» или «оллахаэ», для него оставалось совсем неясным, как Фёрст не старался ему объяснить, что это очень простые слова. Иногда они общались уже после заседаний клуба. Но в последнее время

Фёрст отстранился. Раздражался, когда кто-то из исследователей говорил, что ничего не понимает в теории пустот. Несмотря на все его примечания и ссылки.

Что Лонфэр понял, это существование деления на разновидности. Есть пустоты, а есть зияние. Есть также и продырявленности. Крохотные и тонкие, как паутиная нить, пустотные ходы сквозь пространство. Маленькие, как игольное ушко, отверстия.

Поскольку во всём, что было связано с пустотами, зияниями и зашифрованностями, Лонфэр понимал мало, он невольно вернулся к мыслям о галерее богов. Снова вспомнил о Бессоннике.

Похожем на ангела, случайно свалившегося с неба. Или на моряка, потерпевшего кораблекрушение. Опутанный бинтами, длиннорукий и длинноволосый, он понуро сидел, опустив голову: Лонфэр видел его так отчетливо, как будто этот страж серого куба сидел сейчас к комнате, вместе с ними. Его руки висели как плети, покрытые толстым слоем бинтов. Потрясающий, похожий на вывернутую наизнанку эмблему собственной тоски. Свое имя он получил, потому что никогда за все время своего существования не спал по ночам.

И да, был там ещё и горящий трамвай. Где-то вдалеке, позади конструкции, Лонфэр мог различить картину алхимического преобразования... Может, это и было нечто иное, но он называл это для себя именно так, поскольку видение разделялось будто на две половины: Венера и Марс, пустыня, покрытая кратерами, и царство воды. На холме высился дворец. К нему, по кромке воды (слева – море, справа – пустыня), брели двое. Синий и красный.

Они были похожи друг на друга, несмотря на различия. Их цель, не то дворец, не то замок с башенками, мерцающими в солнечном свете слюдой и распыляющими по всем сторонам стремительные ветры, выглядела до дрожи реальной. Может быть, внутри этого замка и находились все секреты Теории Пустоты? Однако, как бы то ни было, ответы пока не открывались Лонфэру. Это были лишь игры его воображения. Пока что так... Как знать, что будет дальше?

Бессонник получил свое имя то ли потому, что сам страдал от бессонницы и не мог спать, то ли потому, что насылал беду отсутствия сновидений на всякого, кто случайно попадет к нему на глаза. Пылающий трамвай был назван так просто потому, что всё время горел. Его пламя – не то голубое, не то и вовсе разноцветное. Словно радуга или разлитое пятно фэлтуэнца на камнях. Никогда не прикасайтесь к веществу под названием фэлтуэнц голыми руками – Вы можете нечаянно отравиться. Используйте перчатки.

Лонфэр ненавидел торопиться.

В спешке он не успевал разглядеть красоту повседневности.

А он любил всё это: стоящие в черных лужах сырые стволы деревьев, следы птичьих лап в грязи. Розовые фонари. Но сейчас надо было спешить.

Не стоит подводить Вьефля, зачем?

И он сказал:

– Мне пора. Я чрезвычайно благодарен. Вам обоим. Но сейчас мне нужно на кладбище. Я обещал другу.

– Ну что ты... – всплеснула руками Лиля. – Ты прощаешься с нами, как будто навсегда. Мы же скоро увидимся, да? На следующем заседании клуба? Обещай, что расскажешь о призраках, встреченных на кладбище. Если бы только мог взять меня с собой, я бы...

И она запунцовела от смущения, зажмурилась, а брат сказал:

– Не слушай ее, Лонфэр. Она норовит увязаться за всем и за каждым.

– Не знаю, можно ли это... – неуверенно сказал тот. – Может быть, после, когда я поговорю со своим напарником, я смогу пригласить Вас...

После того, как распрощался с ними, ему пришлось поторопиться. Едва ли не бежать бегом.

Ускользание номер три

Пустоты хотели бы пояснить кое-что, пусть даже и ускользая, как это им по природе и свойственно.

Объекты Галереи, стоящие на своих местах и описанные выше, когда-то были пустотами, требующими заполнения, и только потом стали демиургами. После, спустя довольно продолжительный промежуток времени, они добровольно избрали работу стражей.

Теперь они стоят в галерее. Неподготовленный зритель может принять их просто за каменные статуи. Вся прелесть ситуации в том, что до этого места в пространстве неподготовленные почти не добиваются. Впрочем, и пустыня с ее зыбучими песками порой дает осечки. И до серого куда доползает и тот, кому фигуры Богов в галерее кажутся мраморными статуями. С Фёрстом, то есть руководителем клуба по изучению Теории Пустот, такого не случилось, – хотя, по нашим сведениям, он пока еще не добрался до безымянного города во плоти. Правда, каким-то образом ему открылись картины, обычно открываемые только тем, кто уже стоит в галерее и беседует с бессмертными. Но вернемся к теории, – а именно, к языку и словам, с помощью которых она изложена. Итак, пустоты, которые позже стали мирами, а еще позже – демиургами, и далее – хранителями и стражами пространств и галерей, собрались в калейдоскопических зал своих невидимых собраний и приняли решение предельно усложнить взыскующим путь к серому кубу.

Начать следовало с того, что было принято решение написать теорию невероятно сложным и витиеватым языком. Такими буквами и с помощью столь угловатых, бархатисто необъяснимых рисунков пустоты и написали свою теорию – чтобы исключить случайных соискателей. Мало того, что путь через пустыню трудный и почти непреодолимый, так еще и все подсказки зашифрованы.

Никто, по-настоящему не вознамерившийся попасть в серый куб, никто случайный и никто из тех, кто просто ищет чужие смыслы и исполнения своих мимолетных и глупых масляных желаний, сюда не пройдет.

Надеемся, что теперь стало хотя бы немного понятнее, почему введение в зияние состоит из непоследовательных и разрозненных отрывков. Почти никак не связанных между собой. И почему язык этого текста состоит из слов, похожих на «дендроморф», «антрацитовый», «маяк» или «уллипуллипуллинифль».

Введение в зияние предназначено не для всех. Что уж говорить о самой теории.

4

Пока он бежал, ему казалось, что мосты в этот вечер похожи на гусениц. Выгнули спины. Как будто готовились к прыжку.

А ещё они были похожи на лестницы.

Уже почти добравшись до кладбища, Лонфэр заблудился. Стало очень темно. В этой части города почти не было ни фонарей, ни людей. Спросить было не у кого. Наконец он увидел костел. У входа сидела нищенка с костылем, покрытым резьбой. Ее лицо, руки и грудь украшали густые индонезийские татуировки. Он вежливо поинтересовался: далеко ли до кладбища?

Она вскинула размалеванные охрой и синей краской глаза:

– Ты уже пришел. Туфли не забудь, и помни о верном наклоне ветра. И тогда хотя бы одна пустота тебе подвернется. Сворачивай направо. Держись левой стороны, иначе свалишься в канаву. Подай на здоровье...

Ее протянутая ладонь тоже была покрыта татуировкой, изображающую змею, почти съевшую собственный хвост.

Лонфэр бросил монетку.

Упомянутая канавка зловеще чернела справа. Торчали вскинутые в звездное небо умоляющие руки сосен. В траве стрекотали сверчки.

В эту минуту Лонфэр, то ли от усталости, то ли от избытка впечатлений, пережил подобие галлюцинации.

Он словно смотрел в окно, за которым проносились поезда, вздымались в облака здания с невероятным количеством отверстий в стенах, что было не ясно, почему настолько дырявый сыр не падает оземь. Вдоль фасадов тянулись выдержанные в разных ритмах и рифмах лестницы, водосточные трубы и фонари.

Женщины носили на волосах синие древесные листья вместо шляпок. Другие дамы были затянуты в кожаные черные и зеленые корсеты, – подобная одежда имитировала собой манекены. Отовсюду и повсюду тянулись соединительные нити.

Город с таким обилием дырявых зданий и манекенов с наполовину отвалившимися руками и открученными головами, зданий глубокого, но приглушенного розового цвета, – этот город Поглодицей быть никак не мог.

И всё же он явно где-то существовал. Жил своей напряженной и расслабленной жизнью – другой и непохожей. Где он находился? Зачем сейчас показался Лонфэру? И что это обозначало?

Игрушечный домик сторожа, очнувшись от своих видений, Лонфэр поэтому нашел далеко не сразу. Несмотря даже на то, что к нему вела тропа. К тому же, эта постройка хорошо освещалась с помощью круглых электрических ламп. Рядом увивались десятки мотыльков. Крошечные тельца их погибших сотоварищей похрустывали под ногами.

Лонфэр снова вспомнил сестру и загрустил.

На стук в дверь никто не откликнулся. Он потянул ее на себя и вошел.

Он понял, что Вьефль очень пьян, однако еще пытается бороться со сном. Он сидел за столом среди ужасающего беспорядка.

Две пустые бутылки, опрокинутые рюмки. Стаканы со следами пальцев. Неподвижный майский жук. Кусок сыра, засохший. Чайник на плитке.

– Вот как... Ты пришел... Хорошо...

И уронил голову на руки.

– Вьефль! – окликнул его Лонфэр. – Не вздумай спать! Ты должен показать мне... Объяснить, что именно я должен делать. В чём будет заключаться моя работа?

– Работа... – эхом откликнулся Вьефль. – Ничего страшного. Я сам уже сделал первый обход. Ни одного забулдыги. Ни одной влюбленной пары. Уж я за этим проследил, будь спокоен. Я рад, что ты пришел... Рад... Трон пауков... Фрактальный метод... Вот о чем я хотел тебе рассказать... Но это будет сложно понять... Не всё сразу.

– Потом, – сказал Лонфэр. – После я выслушаю любую твою историю... А сейчас просто объясни, куда мне идти. И что делать.

– Плесни-ка ещё... – попросил Вьефль. – Эх... Кажется, вон там есть бутылка...

Лонфэр проследил за направлением указующего перста.

На полке, прибитой к стене сторожки, действительно стояла бутылка. С неизвестным мутным напитком. Кроме того, там лежали маскарадные маски, пучки травы. Проволока, шахматные фигуры и словарь венгерского языка.

– Не уверен, что тебе стоит пить, – сказал Лонфэр.

Но всё же налил алкоголь в стакан. Жидкость распространяла терпкий дух то ли свежих роз, то ли клопомора. Вьефля это не смутило, он храбро опрокинул субстанцию в глотку.

И сказал:

– Необычное место, правда же? Не один сторож тут надолго не задерживается. Мне говорили...

– Что мне делать? – спросил Лонфэр. – Просто сидеть тут с тобой?

– За ночь надо бы сделать ещё два обхода, – сказал Вьефль. – Я пока отдохну, а ты просто возьми и обойди кладбище. Опасайся эльфов. И фей.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет. Их здесь пруд-пруди. Особенно возле болота и дубовой рощи. И возле северных ворот. Не волнуйся, я закрыл калитку.

– А тот вход? Там, где я вошел?

– Тот закрывает священник, – ответил он.

– Мне просто обойти кладбище? – спросил Лонфэр.

– Да, обойди. Можешь не торопиться. Ступай осторожно. Смотри под ноги. Если провалишься в ямку или канаву, это еще ладно. Просто вымочишь ботинки... А вот если ты раздавишь фею – ту, что сидит на мухоморе и курит кальян, поверь, тебе не поздоровится.

Лонфэр хмыкнул.

– Не веришь в них? Напрасно, – пробурчал Вьефль. – На этом кладбище они кишмя кишат... Синекрылые. Косоглазые. Проказливые. И у них скверный характер. Любят нашкодить просто ради озорства. Поиграть. Спутанные космы на головах, и может быть, даже крылья за спиной. Фей тут больше, чем мотыльков. Привидения, реющие возле склепов, тоже встречаются, но от них гораздо меньше вреда... На мой скромный взгляд. Итак. Просто возьми фонарь и иди. Лучше тебе взять вот этот, круглый. Синий. Тогда они примут тебя за своего. Может быть. Обойди кладбище и вернись обратно. Можешь взять два фонаря. Синий и темно-синий. Но помни: в этом случае обе руки у тебя будут заняты.

Пустотный шепот за номером четвертым

Любая пустота знает, что фонари демиурги устанавливают в своем мире едва ли не в первую очередь.

Даже опытный творец порой теряется, взяв с полки шкафа новую пустоту. И начиная вызывать в сознании образы своего мира.

Немудрено.

Ведь даже самая юная, детская и новорожденная пустота так и устроена, чтобы нарочно Вас запутать. Довести до кататонии.

Вы думали, что ко всему готовы? Имеете богатую фантазию? Что воображение Ваше создает декорации и персонажей со скоростью пять тысяч лье в секунду и мощностью в тысячу электрических лампочек?

Но вот Вам в руки попадает пустота. Хрупкая и совершенно, совсем пустая...

И ничего.

Тишина.

Вроде бы нет никаких препятствий, – населяй мир горами, реками и водопадами, единорогами и волками, антилопами и антиподами, чеширскими котами и карликами. Забрасывай

его лестницами и ключами, устилай листопадами и змеиной чешуей, устраивай в нем шум и ярость, тишину и церемонии. Что хочешь.

Но Вы вдруг понимаете, что хотите то Вы хотите, но оробели. И от этой робости все фантазии спрятались под покрытые зеленым лишайником камушки в лесу. И сидят там очень тихо. Не высовываясь.

И вот тогда на помощь приходит осознание, что в пустоте нужно непременно разместить Свет.

Демииурги из тех, кто посмелее, создают звезды и луны. Или Млечный путь, закрученный спиралью на индивидуальный манер.

Это как отпечатки пальцев у людей. Нет двух схожих.

И точно также нет двух одинаковых галактик, создаваемых внутри пустот. Так вот, о чём я.

Простите, но порой пустоты, также как люди, сфинксы или амбисфены, теряют нить своего повествования.

Итак. Дерзкие демииурги первым делом зажигают внутри создаваемого мира звезды. Если у тебя во вселенной горит хотя бы одна свеча, становится понятно, куда двигаться дальше, не так ли? Поневоле зажигается и уголь фантазии.

Те же из заполнителей пустот, будь то человек, или иное, более высокоразвитое существо, кто не блещет грандиозностью масштаба, сначала создают внутри пустоты фонарь. Да, так, и не стоит смеяться.

Для начала, чтобы сдвинуться с точки неподвижности и отменить «страх белого листа или холста», можно зажечь и самый простой светильник.

Годятся любые источники света.

Это может быть деревянная спичка, которая потом превратится в Солнце, или блуждающий огонек, вокруг коего позже поплывет оплывшей восковой свечой болото. Заманивающее дуралеев, как то лесному болоту и положено. Это может быть даже вынутая из кармана, материализованная по воле сознания и зажженная спичка.

Но чаще всего пустоты заполняются фонарями.

Теми, которыми стоят столбами на улицах городов – и в таком случае сначала появляется фонарь, ну а потом, пусть и не сразу, а скажем, лет через двести, – и улица, освещаемая этим фонарем. Иногда это не светильники на столбах, а лампы, которые можно носить в руках. На манер отшельника таро.

Даже скромная новогодняя электрическая гирлянда тоже сгодится для освещения пустоты.

Но чаще всего, повторюсь, демииурги в первую очередь почему-то придумывают фонари. А уж после кто-то может и на целую Луну нафантазировать.

5

Лонфэр вышел из сторожки, осторожно затворив дверь.

Он выбрал круглый фонарь синего цвета – кричащего криком незнакомца в ночи.

Решил, что свечение подобного фонаря правильным образом упадёт на надгробья и тропинки. Но при этом не привлечет ненужного внимания... если, разумеется, тут и в самом деле есть что-то потустороннее. Такое, о чем предупреждал Вьефль.

Лонфэр усмехнулся, воображая, как встречает на тропинке тролля – вот маленькое существо, одетое в рванье и шапку-ушанку, стоит перед ним в недоумении. Кажется, он нашел зеленое стеклышко и собирался уже унести его в свою нору, но тут появился Лонфэр. И напугал его.

Воображение может нарисовать во мгле всё, что угодно. Какие угодно рисунки и искривления пространства.

Слепые пятна – то, чего мы не видим, а оно, тем не менее, есть. И то, что Лонфэр пока никого не видел, кроме созданий собственного воображения, не означало, что их нет. Не видел обещанных Вьефлем фей и привидений? Но что, если они прятались в географии слепого пятна?

Надгробья в синем свете выглядели уютно. Ничто не старалось напугать. Плачущие ангелы, ограды из змеевика, мраморные мавзолеи, покрытые патиной медные розы вперемешку с розами живыми – всё навевало романтический настрой, а не жуткие мысли. Он подумал: Лиле бы здесь понравилось. Вспомнил о ней и снова нырнул в раздумья о введении в зияние.

Фёрст явно хотел отправиться на поиски безымянного города. Он словно примерял рабочую робу средневекового алхимика. И одновременно вешал за плечи котомку странника. Пусть даже и не упоминал об этом прямо. Нужно узнать об этом как можно больше, подумал Лонфэр. Может быть, организовать нечто вроде научной экспедиции. Чтобы туда отправились несколько человек. Кто-то из постоянных посетителей Клуба. Быть может. Тогда они найдут дорогу в город. Если пойдут вместе.

Эта дорога представлялась Лонфэру похожей на змею. Она летела вперед, смелая и звивающаяся в песках. Иногда она казалась живой рептилией, но порой была похожа на сброшенную кожу: отвердевший остов, сбегавшая с крыш черепица. Чешуйки звучали как музыкальные ноты, говорили словами, которые Лонфэр понимал. Вот только, когда явность галлюцинации со змеей и пустыней таяло, он помнил знаки, похожие на буквы. Сами по себе они напоминали не то силуэты неизвестных растений, не то ухо эльфа, не то какие-то сердитые живые колючки.

И вот, Лонфэр помнил, как выглядят знаки, но не помнил уже их значение. Он утрачивал способность прочесть слова. Так что с языком, на котором было написано введение в зияние, было совсем туго.

Задумавшись, Лонфэр едва не упал. Споткнулся о корягу. Чуть не уронил фонарь. Подумал: если бы я разбил фонарь, полагаться пришлось бы только на лунный свет. Останутся лишь утонувшие в песках статуи. Торчащие из барханов руки... Но зато синие осколки разбитого светильника охотно соберут тролли. Цветные стёкла им точно понравятся.

Никого. Даже если они здесь водятся, как уверял Вьефль, то уж точно не хотят показываться именно ему. Трон пауков, фрактальный метод. Кто знает, о чем именно хотел рассказать этот болтун?

Лонфэр, думая о фракталах, воображал нарастающее нагромождение спиральных узоров: все больше и больше. Сложнее и абстрактнее. Невесомее на вид. И вот узоры совсем терялись в пустоте, прячась в ее неподвижности и равнодушном спокойствии. Эти фантазии становились почти неразличимы, из хаоса вновь становясь «ничем».

Фракталы растворились в беспомощной кислоте опустевшего пространства, и вместо них Лонфэр увидел белое пятно. Поначалу он подумал – это белеет очередной ангел на надгробии. Но столь большой ангел вряд ли здесь стоял бы. К тому же, ангелам несвойственно отбрасывать рогатую тень. Изогнутую, иссиня-черную и крайне густую.

Лонфэр понял, что обнаружил минотавра. Того, на которого так хотела взглянуть Лиля.

Белый торс, ноги, который скульптор отполировал столь тщательно, что мрамор почти казался живым. Лицо чудовища источало человеческую печаль, и бычью его природу выдавал лишь рога, нос с крупными ноздрями и глаза. Которые хоть и смотрели сейчас на Лонфэра с пугающим пониманием и грустью, но были всё же слишком выпуклыми. Таких глаз не бывает у людей.

Несмотря на то, что персонаж оставался Минотавром, чем дольше Лонфэр смотрел на него, тем больше он видел в нем проявлений чего-то неуловимо человеческого.

Он погладил прохладный мрамор. Мотыльки летели на фонарь, бились о горячее стекло.

Что ты мог бы рассказать мне, подумал Лонфэр? Из каких мест ты явился? Чей лабиринт охраняешь? Ключи от каких дверей ты держишь в руках и сколько птичьих перьев ты приготовил в своих кладовках?

Казалось, что мысли в его голове принадлежат ни ему, но было не страшно. Мысли превращались в слова, а слова оказались в общении с этим существом беспомощны. Напротив, взгляд Минотавра словно затягивал Лонфэра в себя. Как воронка в реке – промокшего до костей муравья.

Минотавр явно знал скрытую правду про мост, василиска, пустоты. Он знал про буквы и значки, которыми и было написано введение в зияние, так старательно изучаемое в клубе. Знал он и прочие секреты безымянного города, – причем, наверняка. Больше того, город и серый куб казался тем пространством, куда для него был открыт доступ. Несмотря на заточение внутри статуи, сознание Минотавра сквозило свободно – сквозь ее плоть и скорлупу, вокруг, вдаль и наружу.

Сон и реальность для него давно смешались. Потерянные музыкантами скрипки с трещинами в корпусе, тонкими, как волос, сквозь которые, словно изящный скрипичный ключ, просачивались в мир секретные невидимые монады, грязь в осенних лужах, страсти и страхи, нерасшифрованные кусочки слов прямым из зияния – всё это видел Минотавр.

Примерно так праздные созерцатели наблюдают за движением облаков в прозрачной воде.

Вот и чудовище равнодушно глядело, как в пустыне бредут, перекаtywаясь песчинками с холма на холм, отчаявшиеся путники. Над ними веют ветры. Под ними роют свои проходы безумные землеройки.

Минотавр мог бы рассказать Лонфэру немало и об искусстве териантропов.

Он знал, какие театральные постановки ставили в своих каменных театрах сфинксы. Он видел, как поют сирены, залетающие случайно на лучшие оперные сцены Зеркальной Хтони,

слышал, как стучат деревянные бусы в гривах кентавров, смеющихся так громко, что их тела от смеха превращаются в спираль. Минотавр мог бы надиктовать целую книгу, а то и энциклопедию об искусстве древних чудовищ.

Мог бы.

Но не произнес ни слова за всё время, пока Лонфэр стоял возле него.

Лонфэр надолго застыл в неподвижности. И только когда почувствовал, что по нему ползают бабочки, – сдвинулся с места. Пошел дальше.

Спотыкался, как пьяный. Блуждал среди надгробий.

Ангелы, единороги, василиски, улитки и пираты. Некоторые статуи были невероятно старыми. Кто-то потерял конечность, крыло или меч. Безрукий отшельник, одноглазый кот, акробат в клетчатом трико. От нечего делать Лонфэр стал читать надписи на надгробиях. Никаких эльфов и блуждающих огней. Единожды ему показалось, что среди трав и он увидел голубой росчерк и сверкание. Однако, он знал – этот почти незримый блеск мог и померещиться.

На грубых шершавых плитах мерцали фамилии и эпитафии. «Гогенцоллер ТристаПятисотый. Родился в первую иву. Умер в третье тысячелетие восьмого дербевра» или «Покойся с миром, возлюбленный дядя, наши слезы о тебе никогда не высохнут».

Русалки, сфинксы, сумасшедшие кентавры и робкие дельфины – эти образы возникли в голове Лонфэра в виде сверкающих вспышек.

А после он почему-то вспомнил соседа по гостинице, вечно бормочущего себе под нос толстяка... Пьяным тот имел обыкновение блуждать по коридорам ночь напролет, не ведая усталости.

Он шумел: насвистывал, ворчал, говорил сам с собой и кашлял. Ловил по стенам зазевавшихся пауков. Ничего не зная о фрактале пауков и поймав очередное насекомое, безжалостно давил его ладонью. Во рту всегда торчала деревянная трубка, способная окутать дымом всю Подглюдищу. И хозяйка гостиницы не зря переживала, что толстяк может однажды спалить дом дотла.

К чему Лонфэр вспомнил о нем?

Он не знал.

Но чуть позже понял, уже задним числом: этот сосед по гостинице тоже что-то понимал. Нечто, связанное с зиянием. Как и Вьефль, он видел внутренности вещей. Может, даже пылающий трамвай и чайную ложечку, заросшую мхом?

Как знать?

Пустотная скрытность номер пять. Не слишком разговорчивая

Из-за склонности людей и прочих претендентов в демиурги, таких, как лодочные весла или белые мраморные статуи в огромных парках возле опустевших дворцов, полных музыки и слюны фей, постоянно отвлекаться на всякие неважные мелочи, из-за их хронической неспособности сосредоточиться заведыватели шкафов с пустотами приняли решение.

Важное решение.

Они подумали над задачей «распыления внимания претендентов» всерьез и постановили: следует создать настолько трудный для понимания и овладения язык теории пустот, насколько это возможно.

Даже введение в зияние, уж не говоря о глубинах самой теории, с трудом поддается пониманию неподготовленного читателя.

На пути освоения этих знаний его будет поджидать столько препятствий, что он будет готов создать с себя цветную робу арлекина, вместе со всеми снами, воспоминаниями и прочей важной шелухой. Неофит может и бросить изучение, потому что, сидя над страницами введения, ему придется рвать на себе волосы от отчаяния.

Ему будет казаться, что слова разбегаются от него по сторонам, исчезая за пределами страниц с резвостью насекомых, по злой усмешке судьбы наделенных человеческим разумом. Можете ли Вы, драгоценный читатель, представить себе ничтожную мошку – а меж тем она, ощущая себя куда разумнее Вас, сидит на верхушке своего фрактального мира и невозмутимо курит трубку, распространяя вокруг себя клубы дыма и понимая, что Вам никогда не познать даже азбучные истины введения, не говоря уж о самой теории?

А между тем, именно так, или приблизительно так, и обстоят дела.

Но скрытности об этом уже сообщали. Посему добавим и другое: нужно еще и запрячь любую тайну в несколько слов, понадежнее.

Тайны – создания хрупкие, и сохранность от чужих глаз и посторонних рук им никогда не вредила.

6

С той ночи дежурства на кладбище прошла неделя.

Может быть, и две. Лонфэр потерял счет времени.

Он сидел на своем чердаке.

Бездумно пялился в окно либо слушал, как во дворе, рядом с кучей мусора, о чем-то спорили две нищенки. Они швыряли другу другу в лицо капустные листья, перекрикиваясь на каркающем, не то немецком, не то хазарском языке.

Его меланхолия нарастала. Она ему самому казалась беспричинной. И он пытался с ней бороться.

Безуспешно.

Переводил фрагмент текста, который ему отдал Фёрст во время последнего заседания Клуба.

На руках Лонфэра оказалось подобие алфавита, с помощью которого ему и следовало переводить кусок Введения в зияние.

Он очень старался. Но, несмотря на все усилия, выходила лишь исключительно чистая абракадабра.

Тщательно выверяя последовательность слов, он пробовал выстраивать предложение по образцу: прилагательное, подлежащее, сказуемое. Иногда он добавлял наречия и частицы, после чего текст уже начинал мерцать серым туманом. Это давало дополнительные невнятные нюансы в его перевод, и без того сумбурный. Результат ему самому казался очень неточным.

Слишком многие оттенки смысла терялись.

Это никуда не годилось.

Лонфэр понимал, что в таком случае из текста исчезает что-то важное. А ещё он знал: Фёрст такой перевод не одобрит.

Он пожмёт плечами и отправит всё переделывать. Так, чтобы «ты почувствовал свою ответственность за каждое переведённое тобой слово».

Прилагательные походили на скрипичные ключи, существительные – на кельтские орнаменты или египетские иероглифы. Существительные – на звук арфы, звон колокольчиков или шуршание змеиной кожи по мокрому гравияу.

После того, как Лонфэр промучился со своим отрывком несколько часов, у него вышло следующее: «Башня-маяк будет светить тебе даже в непроглядной ночи, если только ты вознамеришься найти путь в безымянный город. Дорога, ведущая к месту преображения, может быть вымощена и озерной водой, и птичьими перьями. Если ты отважишься пойти по пути и намерен выбирать способ своего передвижения, а не только мерцающий ритм, ты будешь способен оправить свои сны и страхи в одну древесную раму. Ты можешь лететь вперед, как зимородок или филин, ты можешь плыть, словно щука, прыгать, как паук, – тот, что очень схож с мохнатой шерстяной тряпкой.

Остается лишь выбрать для себя правильное направление.

В серый куб способен войти каждый. В древности было не так. Та галерея со скелетами богов, которая сегодня приводит к порогу здания, куда стремится влезть любой пилигрим и самый случайный путник, сумевший найти безымянный город в зеркальных песках, была надежно защищена холодными дверями и грустными василисками, полумертвыми от энергетического истощения, но потому только более ответственными...»

Истерзавшись над этим заданием, Лонфэр в конце концов признался самому себе, что он не продвинулся к сути зияний и пустот ни на йоту. Он явно что-то делал не так. Что-то упускал.

Он решил дать себе передышку. Нужно отвлечься.

Но даже решив это сделать, отвлечься никак не мог. Всё записывал и записывал в блокнот отрывки мыслей. Всё, что думал о пустотах.

В этих обрывках всё смешалось.

Алхимия беспорядочных фрагментов. Ветви деревьев, крылья летучих мышей, спирали и лестницы, скелет Минотавра и горб сирены – он впитался впихнуть в перевод любой образ, который только приходил ему на ум. В поисках вдохновения и ответов на вопросы он блуждал в собственных фантазиях и увязал в них. Его не то костыли, не то ходули никуда не годились.

И всё равно он продолжал продирается сквозь заросли. В поисках ключей.

Он знал, что вряд ли поделится своими предположениями с Фёрстом. Он не мог показать ему такую сырую работу над переводом.

Наконец Лонфэр понял, что сидеть на унылом чердаке больше нет мочи. Нужно было выйти. Ноги сами потащили его в знакомое кафе.

Там он впервые за много дней напился на деньги, полученные от проданной акварели Уистлера.

В свое время он украл её, вывез из материнского особняка. Он не гордился своим поступком, конечно же. Долго хранил эту акварель как святыню. Однако, как это часто случается в жизни, пришло время расстаться даже с таким сокровищем. Продать ее скупщику антиквариата с улицы Синих Зимородков. Лонфэр напился до чертиков и стал читать прямо с листа и прямо в кафе отрывки из своих якобы философских заметок по введению в зияние.

И это услышала Яжмиле.

Пустотная скрытность номер шесть

В одной из прошлой скрытностей уже было дано слово о том, что введение в зияние намеренно написано сложным для понимания языком. Слова и предложения не поддаются

переломам. Это для того, чтобы понять текст смогли лишь самые настойчивые и терпеливые.

Маленькая подсказка – буквы зияния значат ровно то же, что и оконные рамы в кукольных домиках. А также, любая буква может прорасти в воображении переводчика как шиповником, так и чертополохом. Буква в алхимии пустот, продырявленностей и зияний значит то же самое, что и птичье крыло, и знак препинания, и просто незаполненные белые поля на странице энциклопедии. Хотите расшифровать и перевести? Вам придется не просто включить фантазию и воображение, заставить время двигаться вспять и овладеть искусством бесстрашия и прозрачности. Секретов еще много. И каждый из них содержит в своей скорлупке не менее тысячи новых.

7

Он опрокидывал в себя рюмку за рюмкой горького, приправленного красным перцем пойла и кажется, вел себя не слишком пристойно и не свойственно для себя. Не сидел спокойно, а вертелся на месте и двигал руками. И ногами. словно маленькая обезьянка капуцин.

Но здесь нужно пояснить, кто такая Яжмиле.

Ее, конечно, он замечал и раньше.

Дама всегда садилась в одном и том же углу, за своим столиком.

Имея вид человека, который владеет избытком свободного времени.

Она почти всегда приходила сюда в одном и том же костюме: длинная юбка оттенка жабьей шкурки, пиджак мужского покроя с высоким воротником. И шляпа в широких полях. Шляпа, впрочем, не могла ни от кого скрыть ее красоты.

Цвета одежды напоминали Лонфэру о теплом оттенке свежей зелени, натуральном и мягком, вызывающем в носу ощущение летнего полдня в лесу. Бархат, кружево и вельвет в мелкий рубчик – она была одета в дорогие ткани, рассказывающие историю комфорта и праздности.

Удивительно, но здешние негодяи и пьяницы к ней не приставали. Никто даже и не думал подступиться к даме, сесть рядом. Вокруг нее всегда магически возникала своеобразная защитная стена. Невидимая, но ощутимая.

Она сидела там, в полумраке, часами. Цедила свой остывший угольно-черный кофе. По глотку из крохотной чашки. Курила, почти исчезнувшая в густом табачном облаке. Иногда записывала что-то карандашом на салфетке.

Лонфэр не мог бы ее не заметить при всем желании, поскольку в этом кафе она стала появляться часыл. Но старался не пялиться на нее слишком уж пристально.

Однажды, как-то раз, он спросил у своего приятеля Вьефля, не знает ли тот, кто эта дама.

– Знаменитая пианистка. Ее зовут Яжмиле, – с неожиданной готовностью пояснил Лонфэру тот. – Живёт на другой стороне реки. Говорят, денег куры не клюют.

– И что же она здесь забыла?

Лонфэр подумал: ведь тут небезопасно. Но, как видно, она не боялась, что ее оскорбят или ограбят.

Впрочем, вопрос о том, что она здесь забыла, казался ему самому чисто риторическим – было и так ясно, что пианистка искала в атмосфере этого кафе вдохновение.

Иначе зачем обеспеченной женщине сидеть здесь долгими часами?

Может, она слушала разговоры местных чудаков? Их болтовня за неведомые крючки вытягивала с глубин ее души необычные мелодии.

После она записывала ноты на мерцающем пергаменте уже дома, в своем роскошном кабинете, обшитом дубовыми панелями.

Возможно, именно так оно и было.

В тот день, когда он напился и стал декламировать в пустоту отрывки из перевода первоначальных зияний и пустот, она сидела за своим столиком.

Как обычно.

И, вероятно, услышала его невнятные, но достаточно громкие разглагольствования.

Последовательность дальнейших событий от Лонфэра ускользнула.

Какие-то куски просто растворились в пустоте, исчезли из памяти.

Он помнил, что мадам Яжмиле подседа к ним за столик.

Кажется, она расспрашивала о пустотах. Зиянии. О безымянном городе, галерее Богов и сером кубе.

Ее заинтересовали те истории, которые разболтал Лонфэр – спутанные, обрывочные.

Он помнил, что и Вьефль вступил в беседу, неожиданно превратившись из пьянчуги в приятного собеседника.

Он помнил, как потом они с Яжмиле, качаясь от выпитого, брели по набережной, затем сели в лодку, которая отвезла их в ту часть Подглюдицы, где жили исключительно богачи.

Банкиры, балетные танцоры, виолончелисты, арфистки, губернатор и монахи, заведующие городской ратушей: толстые и покрытые слоем грязи, словно болотные квакши, и тощие, как ржавые гвозди. Лонфэр нечасто бывал в кварталах богачей, где каменные дворцы лезли в небо, громоздясь и глумясь друг на другом, как будто хотели показаться облакам во всем великолепии. Но иногда, в те времена, когда он только поселился в Подглюдице и старался обжиться в городе, он случайно забредал и туда. Тогда он не находил в них чего-то особенно интересного для себя. Пустые улицы, заброшенные сады с опадающими на булыжники мостовой спелыми вишнями. И чрезвычайно высокие ограды – надежная защита от бродяг. Однажды он встретил баронессу в шляпе с пером и гепардом на поводке. Но это его не удивило. У богатых свои странности.

Итак, в ту ночь лодочник высадил Лонфэра и Яжмиле на «богатую» сторону. Кажется, она смеялась и вела его к себе в гости. Знаменитая пианистка? Неужели?

Очень странно.

Скрытность номер семь

Присматривая для себя вероятных будущих демиургов и заполнителей, пустоты и зияния порой уже и предварительно, в той жизни, когда творцы еще являются обычными людьми, переплетают их сюжетные линии между собой.

Пустоты смотрят не только на проявляющуюся медленно и постепенно красоту и выразительность этих переплетений, не только на то, способны ли будущие участники мистерий, создаваемых из «НИЧЕГО», сделать пышным, декоративным и узорчатым даже самый обыкновенный туман, и отразить в зеркале своих лиц и личностей неотразимое и невозможное. Они смотрят в глубину и в суть, неизвестную самим людям, то есть костюмам.

Они выбирают.

Пусть даже и понимая, что это всего лишь игра.

8

Он проснулся с чувством удушья и головной боли. Первым существом, которое он увидел, открыв глаза, стала игуана на туалетном столике. рептилия сидела среди флаконов, бус и вееров совершенно неподвижно. Сначала Лонфэр подумал, что перед ним чучело. Или статуэтка из яшмы. Но потом она вдруг шевельнулась, и вслед за ней непроизвольно дернулся и он сам, задев рукой обнаженную женщину рядом.

В ногах женщины спал сиамский кот. Солнечные лучи неохотно просачивались сквозь плотные занавески цвета.

Его взгляд упал на треугольник волос, и он не сразу осознал искусственность их цвета – прежде Лонфэру не доводилось видеть ничего похожего даже у особ легкого поведения. Ему ужасно захотелось дотронуться до нее, но он не смел.

Он отчего-то был уверен, что между ним и Яжмиле ничего не было минувшей ночью. То, что она заснула вот так, совершенно голая, ни о чем не говорило. Пребывающей почти в параличе, Лонфэр как замороженный рассматривал спящую. Он уставился на треугольник внизу живота, который выглядел как клочок лесного мха... Рассмотрел ее тонкие ноги. Острый профиль с длинным носом, покрытым веснушками. Будучи для него огромным незнакомым городом, женщина вызвала в нем страх и оцепенение.

Он смотрел, замечая мельчайшие подробности, изучая их, словно карту неведомой страны, куда более ценной для него в эту минуту, чем все пустоты и безымянные города вместе взятые. Ему хотелось целовать пальцы на ее ногах. Ползать возле ее кровати, умоляя о счастье.

Он пытался вспомнить, о чем они говорили, когда Яжмиле пригласила его в свой особняк. Но не вспомнил ничего...

Пианино, клавишин и арфа в углу ненадолго притянули взгляд, но очень скоро внимание снова вернули к себе ее ноги.

Тело, трепет ресниц, отчетливо слышимое, ровное дыхание.

Он хотел уйти, но не мог пошевелиться.

Он заметил, что комната полна рептилий. Кроме игуаны на туалетном столике, мерцали гладкими, будто отполированными панцирями, две черепахи. Они вольно передвигались по деревянному паркету, никуда не торопясь. Сбоку от книжных полок, занимающих две трети стены, блеснул стеклом террариум со змеями. Для него тоже потребовалось немало места. Закованные в броню чешуи, змеи спали. Очень крепко, подобно своей хозяйке.

Пустота номер восемь. Заполнение игуанами разрешается, но не слишком приветствуется

Соль в том, что даже очень большие зияния когда-то давно были людьми. Хоть и забыли. А также – дуновением ветра, листьями каштана и камнями на горном склонею. А также – звездной пылью и муравьиными усиками. И как и все вышеозначенные матери, зияния, дырчатости и пустоты тоже любят разнообразие. Заполнять их одинаковыми предметами и созданиями не рекомендуется.

Проявите фантазию, и тогда, возможно, пустота обратит на Вас внимание задолго до того, как Вы пройдете свой утомительный и опасный путь сквозь безымянную пустыню.

Но если в Вашей вселенной живут только ящерицы, а музыка отличается однообразием, при всем мастерстве пианистки – пригодность Ваша для превращения в демиурга вызовет у любого теоретика пустот большие сомнения.

Уж извините.

9

Несмотря на черепах, игуану и собственные желания, в тот день просто Лонфэр сбежал. Так и не дождавшись минуты, когда она проснется.

Паника отступила только на улице.

Даже после побега из богатой части города все его мысли возвращались к Яжмиле.

Унылый слуга в заштопанной ливрее лишь покосился на него. И молча проводил к выходу, когда Лонфэр покинул спальню и едва ли на кувырком скатился по лестнице. Распространяя вокруг себя жуткий шум.

Со стен смотрели фамильные портреты в коронах и жабо, чернели хищными профилями материки и острова на старинных картах. Как и положено, на них оставались и белые пятна.

У подножия безупречной лестницы красного дерева он налетел на слугу, который его ни о чем не спросил. Лишь вежливо отворил ему входную дверь, выпуская гостя в сырое утро с ключьями тумана и аристократической тишиной.

Немного позже ему стало ясно, чем объясняется такое равнодушие слуги.

Слуга навидался всякого.

Скорее всего, его науськали не видеть в упор всевозможных происшествий, которых в особняке знаменитой пианистки случалось достаточно.

Лонфэр пока ничего об этом не знал.

Он не знал – скоро он будет бывать у Яжмиле часто.

Приходить сюда в качестве гостя.

Или... кем он стал? Позже он задавал себе этот вопрос. Наемным работником? Слугой для особых поручений.

Пианистка приглашала его с помощью писем. Письмо обычно приносила девочка-подросток в костюме восточного покроя и причудливой шляпе с широкими полями. Скрытая впотьмах чешуя, блеск сизой дороги, просвечивающей сквозь метель, были расшиты серебряными звездами и делали это создание-посланника похожим на беглянку из цирка. В письме обычно сообщалось, что пианистка требует явиться в ее особняк к определенному часу. Именно не приглашает как гостя, а требует, как наемного сотрудника.

Он приходил.

Ни разу не ответил на ее приглашение отказом. Хоть мог и промолчать. И отменить визит к ней в дом.

На что он надеялся? Что она снова заговорит с ним по-простому, засмеется, спросит что-то о Теории Пустот? Пригласит в спальню? Будущее показало, надеждам не суждено было сбыться.

Ее особняк предназначался для ритуалов. Не для разговоров.

Он снова и снова спрашивал себя, почему она написала ему такое письмо, и что всё это значит. И не находил ответов.

Можно было забыть, подумать о сестре, матери или о Фёрсте, о лекциях в клубе. Может быть, о существах из галереи, ведущей к серому кубу, где происходят преобразования... Даже о них он мог бы вспомнить. Но сейчас Лонфэр был способен думать только о Яжмиле.

Нет, нельзя сказать, что он совсем не пытался отвлечься на прежние занятия. Несколько раз он даже нянчил тревогу, сдобренную щепоткой меланхолии, в обществе Вьефля на кладбище, проводя ночные дежурства среди надгробий. Но это не помогло. Он вспоминал ее лицо и тело, со стыдом снова и снова спрашивая себя: зачем он сбежал в то утро?

Ночью ничего не было. Но почему он так и не прикоснулся к ней, проснувшись? В те минуты, когда она была так беззащитна, даже если бы и захотела оттолкнуть его. Шанс был упущен. Но что ему было делать теперь? Послать букет?

Нелепо.

Было чудом, что она вообще обратилась к нему с письмом. Пригласила в дом.

Сначала, получив первое письмо от Яжмилье с подробными указаниями, он воспринял это как шутку.

Безукоризненный тон, почерк, похожий на японскую каллиграфию, список действий, который он должен был совершить, переступив порог ее особняка. От этого веяло не то сарказмом, не то дерзостью, не то слабоумием.

Он не знал, что и думать.

Это просто предлог, чтобы он снова пришел? Или Яжмилье действительно хотела, чтобы он выполнил все ее предписания?

У него не было ответа.

Но он знал, что пойдет.

Позже, будучи приглашенным не только на закрытые от посторонних глаз оргии и мистерии, но и на вполне обыкновенные концерты, которые она давала для своих гостей, он составил хоть какое-то впечатление о том, что за компания у нее собиралась. Конечно, возле Фёрста он тоже видел немало чудаков. Но здесь наблюдалось чудачество другого толка – пресыщенные, надменные умники. Злые и развращенные. Им было скучно всё обычное – они искали изъяснов, способов подстегнуть своё вожделение. Будучи очень богатыми всерьез и надолго, они чванились друг перед другом бесстыдством и собственными изъяснами, тщательно выкормленные одиночеством, праздностью и огромными деньгами, которые преумножали до них целые поколения пиратов, охотников за зарытыми кладами и невест с завидным приданым.

К Яжмилье, чтобы послушать, как она исполняет Вагнера, приходила супружеская пара в леопардовых мехах. У мужа не хватало левой руки, а у дамы правая нога ниже колена была искусственной – на вид она казалась сконструированной из переплетенных игл дикобраза и обломков черепаших панцирей.

К Яжмилье являлись типы, похожие не то на сбежавших от правосудия монархов несуществующих королевств. Не то на шарлатанов обнищавшего цирка.

Лонфэр наблюдал: вот они, собравшись в углу гостиной возле шикарной разросшейся на половину стены монстеры, курят трубки. И обсуждают свои махинации.

Кто-то практиковал левитацию, кто-то – гадание на хрустальном шаре. У каждого был круг единомышленников, состоящий из таких же пресыщенных богатых бездельников.

Лонфэр остро ощущал степень своей непохожести на них. Он знал – те, кто состоял в Клубе при Фёрсте, тоже непохожи на этих эксцентричных друзей Яжмилье. Она и сама полностью принадлежала этому пресытившемуся самим собой миру.

Между ней и Лонфэром разверзлась непреодолимая пропасть. Как обычно бывает, он понял это слишком поздно. Когда уже влюбился по уши.

Разумеется, в те дни он думал не только о ней. Будет правдиво сказать, что в жизни Лонфэра началось время, когда он определил себе три цели. Он был одержим пианисткой Яжмилье. А также – зачарован клубом, где собирались завсегдатаи, обсуждающие введение в зияние. Ну и наконец, он был измучен своей попыткой изучать язык, на котором была изложена эта теория пустот и зияний. Все было сплетено в ядовитый клубок и щедро сдобрено депрессией, неудовлетворённостью, безденежьем, голодом и усталостью из-за постоянного стремления экономить деньги.

Первый раз он пришел, еще не понимая до конца, чего именно Яжмилье от него хочет. Зачем она потребовала его к себе?

Инструкции в письме вгоняли в краску и казались слишком запутанными. Их можно было понимать и так, и эдак.

Его встретил слуга, кивнул, принял пальто и молча провел в помещение, похожее на театральные кулисы.

Множество вешалок с одеждой теснились здесь, толкая друг друга плечами и цепляясь крючками, словно деревья – ветками: шляпы, шарфы, похожие на тропических змей и мелких червячков, широкая бахрама, воланы на рукавах, парча, каракуль и бархат. Не забудем и вельвет в мелкий рубчик.

Тут смешалось столько перебивающих друг друга ароматов, что Лонфэр провел изрядное время, чихая.

Винного цвета накидки пахли гвоздикой, которой и положено сдабривать ноябрьское красное вино в те вечера, когда уже становится холодно.

Шубы и манто хранили в себе густые ароматы, не слишком приятные носа – он смог определить запах корочки яблочного пирога, масляной краски и свежей хвои. Одни элементы были выполнены исключительно в стиле театра гиньоль – дыры на кружевном жабо, запекшаяся кровь после укола шпагой, другие – в духе рококо или викторианской Англии. Он узнавал модерн с его узкими изящными сюртуками и шляпами «котелок».

Рыбья чешуя, птичьи перья, суховеи над опустевшими ротондами и симфоническими залами, откуда разбежались музыканты – такие ассоциации теснились в воображении глядевшего на всё это случайного созерцателя.

На стенах висели искусственные усы, приколотые к холстам, оправленными в позолоченные рамы, словно это была не выставка готовых к применению усов, а картины. Метаморфозы. Чудеса. Запутанности. Ритмы. Неслышности и падения в невидимые пропасти.

Эта мешанина напоминала коллекцию бабочек, еще неупорядоченную и только приготовленную для последующей классификации. Усы на любой вкус удивили – будет что рассказать Вьефлю, подумал Лонфэр. Но после встречи с усами он набрел еще и на целую полку с париками всех форм и расцветок: голубой, ярко-синий, сепия, кобальт, умбра, сиена жженая. Длинные кудри, выглаженные лепестки, спутанная грива, мелкие локоны, косы и жгуты. Дальше громоздился пузатый шкаф. За стеклом – коллекция птичьих черепов, среди них затесался один-единственный череп оленя с ветвистыми рогами. На него кто-то прилепил оплывшие восковые свечи.

Вероятно, это всё предназначалось для неких магических ритуалов. На столиках аккуратно располагались гербарии и старинные монастырские манускрипты. Далее – новые полки. На них – головные уборы. Шляпы с перьями, береты, шутовские колпаки. Венецианские маски. Лонфэр заметил их и вспомнил, как мать возила их с сестрой в Хтонь, а потом – в Прагу. Тогда еще мать относилась к ним прохладно, но без истерик, вот и взяла их в ту поездку. Прошлое. Картинки сами собой возникли памяти – вот сестра опускает руку в воду канала, пока они плывут в гондоле, а вот она сует нос в мороженое, пачкаясь шоколадными крошками. Пражское кафе с его густыми запахами, хоть ножом режь этот мармелад. Осторожный стук дождя по бульжникам мостовой. Сестре десять, а ему – четырнадцать, оба впитывают окружающую их новизну.

Им все любопытно, хочется раствориться в каждом впечатлении, откусывать громадными кусками и ни в коем случае не отпустить.

Только мать смотрит на арлекинов у воды с усталым пресыщением. Гортензии увяли. Роба кардинала так заляпана воском свечей, что не отстирать. Мать ничем не удивишь, ей скучно.

Рядом с масками лежало аккуратно расправленное кружевное белье, по большей части лилового и красного цвета. Кто-то разложил рядом еще и трости и палки из красного дерева из слоновой кости, грубые веревки и плетки семихвостки.

Согласно инструкции в письме, Лонфэр должен был облачиться в костюм, оставленный для него в кресле с шахматным пледом. Такое кресло здесь нашлось.

Чёрный костюм оказался ему ровно в пору. Словно портные предварительно снимали с него подробные мерки. Итак, Лонфэр оделся и единым глотком выпил приготовленную явно

для него рюмку глинтвейна, впрочем, уже остывшего. Напиток неприятно подействовал, как будто к нему было добавлено лекарство. Он ощутил отчетливый горький привкус – словно алкоголь настаивали на полыни. Спустя некоторое время его сознание подернула дымка. Но это было не алкогольное расслабление, а туманная нервная смазанность. Сплошные искажения. Дыры.

В реальности появились отверстия, сквозь которые, казалось, можно было просунуть целую руку. А то и не только руку, но и половину тела. И вот он уже обнаружил себя в другой комнате, где в полумраке, на движущемся возвышении, похожем не то на детскую карусель, не то на ту часть театральной сцены, которая способна вращаться ради усиления драматической интриги и перемещать персонажей с места на место, – где в этой полутьме, слегка освещенной разноцветными слабыми лампами, возникли люди.

Силуэты людей.

Поначалу он принял их за персонажей собственного бредового воображения, пока не понял, что и сам он, несмотря на дорогой костюм, передвигается на четвереньках. А на шее у него медный ошейник с острыми деталями, впивающимися в кожу. Его кто-то тянул за цепь. Из-за этого он он был вынужден ползти вперед.

Несмотря на такое свое положение, он умудрился разглядеть, что происходит на сцене.

Две пары сплелись в объятии. Страсть или драка?

Они были одеты, вот только... Рядом стояли и смотрели еще и другие. Кое-кто из этих наблюдателей был в масках, но не все. Чьи-то лица оставались открытыми, и все вели себя так, словно каждому из них совершенно нечего скрывать. Богатые скучающие извращенцы. Он сказал себе – возможно, прочие их развлечения были куда более эксцентричны, нежели эта оргия. Они переодевались в нищих и бродили по городу, провоцируя скандалы и потасовки. После они залечивали свои раны в дорогих лечебницах, в высокогорных санаториях. Они устраивали пожар в планетарии. Они танцевали среди сумасшедших в грязных больничных палатах, раздевшись догола. Что они только не творили, ведь у них было достаточно денег для воплощения любой прихоти в реальность. Эта оргия была самым рутинным развлечением в их списке способов убить скуку.

Возле сцены стояла карлица в бархатном жакете. А еще – человек со шляпой в форме белого лебедя с длинной изогнутой шеей.

Они стояли и смотрели то, как кто-то на высокой театральной сцене приник к неизвестной даме в маске. По воздуху летели звуки, которые ему сложно было бы описать, – стоны как будто смешивались с кукареньем и мелодией, похожей на механический плач. Слушая, Лонфэр вдруг обернулся и понял, что за ошейник его держит именно Яжмиле.

Стал ли он ее рабом? Или просто играл роль?

Ему не хотелось об этом думать.

Скрытность пустот номер девять

Нужно сказать, что в отношении страстей людей любая пустота, как правило, придерживается нейтральной позиции. Человеческие драмы пустотам по барабану, – пустота настолько давно погружала свои переплетенные плечи и перепончатые лапки в путь человека, что об этом забыла.

Лишь отдельные воспоминания порой просачиваются в область подсвечивания пустот. Но, поскольку они лишены возможности реагировать по-человечески, то есть со степенью полного погружения в эмоции, то понимание сложностей людских печалей и радостей происходит с огромными искажениями.

Однако, невзирая на вышеизложенное, если пустота уже присмотрела некие силуэты, барахтающиеся в людском бульоне, и выцепила их своим внутренним взором, она поневоле видит степень погруженности кандидатов в демиурги в густую реку страстей. Привязанностей и извращений.

Пустоты категорически против унижений и погружения себя как в большой, так и в маленький ад пыльных любовных зависимостей и тех переживаний, которые замыкают любого человека на одной механической бредовой идее. Если пустота уличила будущего демиурга в таком, достаточно долгое время она еще понаблюдает за этим явлением, надеясь, что он не погрузится на самое дно, а напротив, вытянет из собственных унижений и чувств краски для будущих зданий. А еще – для древесных ветвей, змеиных предплечий и облаков.

Очень нужно, чтобы будущий демиург взял для своих будущих миров всю нужную палитру красок, музыкальных нот, ароматов и текстур. Всё мягкое и расплывчатое. Но если пустоты подмечают, что человек просто тонет в страстях без разбора, растворяясь в них, как в кислоте, они понимают – несмотря на все его таланты, он не годится.

Пустоты тогда стараются сообщить об этом Архивариусу страстей, чтобы он утилизировал чужие страсти в свою обширную коллекцию. И спрятал их под замок и под ключ. Надёжно.

Дополнение к любой скрытности, точке и зиянию.

Таких дополнений и далее будет немного, но мы, как бы не хотели, не способны гарантировать, что сможем в отдельных кусках и свитках удержаться от новых и новых пояснений и комментариев, и совсем промолчать.

Возня людей и маятников гипертрофированно скучна. Любая пустота и почти каждое, самое начинающее зияние способны завить от предсказуемости наблюдаемого объекта. Веселее наблюдать за муравьями и за тем, как постепенно ржавеет железо, чем смотреть на то, как ведет дневник какой-нибудь несостоявшийся строитель маяка, ставший, что закономерно, его зрителем. Не сумел прикоснуться к стройке. Теперь тебе остается лишь наблюдать, что не всегда исполнено романтики, так как никаких кораблей и моря вокруг маяка часто даже и нет.

Только пустыня.

И ветры.

А ветры имеют особенность – они стараются не попадать на глаза Наблюдателям.

Любая скрытность и почти каждая пустота, отдельно взятая нереализованная точка – все они видят и введение в зияние, и теорию пустот, и вход в галерею богов иначе, как Лонфэр.

Они могут видеть и как Лонфэр тоже, это не запрещено, вот только... Истинное зрение пустот Вам не объяснит ни один самый крепкий знаток их способа видеть.

Далее, после пребывания пустотой и будучи миром, большим или маленьким, размером с мыльный пузырь или с кита, – следует проползание сквозь трубу. Иногда мы думаем, что это лаз.

Каждой пустоте любопытно, что будет, когда распадается мир.

Ведь когда падает любой дом или лопается пузырь с мирозданием внутри, неизбежно возникает груда обломков.

Но и в этой груде бывшая или будущая пустота создает лаз.

Нору.

Лазейку. Если смотреть на это сбоку, как на разрез геологической породы, то нора или лаз похож порой на лабиринт, на прямую как стрела железную дорогу, мужественно проложенную среди острых скал гордыми индейцами, на мост, на лестницу.

Чтобы увидеть, как нора бывает иногда схожа с лестницей, а лаз – с мостом, соединяющим соседние крыши, нужно миновать последовательную цепь преобразований. Камень. Профиль совы. Дом на вершине холма. Может быть, смех старика.

Занавески на чужом окне. Чертополох в саду.

Ручей.

Медный колокольчик, который носит на шее слепец.

От камней и занавесок переходим к насекомым и птицам. Затем появляется шанс из минерального и нематериального царства натюрмортов переползти к закатам и пустыням.

Может ли каждая пустота вспомнить, что когда-то очень давно была пустыней?

Вероятно. Не любая. Но некоторые.

И вот эти пустоты могут и потом преодолеть любую нору и лаз.

Премудрые знатоки проползаний внутри железных водопроводных труб, земляных нор и традесканций скажут вам, что в норах живут лишь кроты. Медведки. И прочие создания степей и дюн.

Конечно же, это не так.

Преодоление лазов и туннелей, проползание внутри труб – это определенный отрезок пути. За это время тот кусок бродячего огня, что был когда-то камнем, ветром, ромбом на трико арлекина, самим арлекином и его тенью, создателем миров и их разрушителем, окончательно забывает Всё.

В минуту, когда ты наконец покидаешь тоннель или нору, когда ты выходишь, отряхивая комья земли и обломки древесных корешков, высыпаешь изо рта камни и воспоминания нарциссов, когда ты подпрыгиваешь на одной ноге, а в волосах начинают трепыхаться проспавшие тысячу лет мотыльки и божьи коровки; в такую минуту, выбравшись из водопроводной трубы, ты – белый лист.

Ты ничего не помнишь и не знаешь. Но мы забегаем вперед.

Прежде, чем почувствовать себя белым листом, нужно еще выбраться из водопроводной трубы.

А пока ты – нечто, ползущее в глубокой тьме.

В эти дни и тысячелетия, продираясь сквозь напластования почвенных и минеральных пород, ты можешь воображать себе времена, когда был демиургом, хоть ты об этом и не помнишь. Но воображение исчезает в последнюю очередь, перед погружением в самый крепкий сон – тот сон, после которого цикл запускается заново.

Даже внутри этого сна ты продолжаешь двигаться и ползти внутри уготованной тебе водопроводной трубы. Для этого места есть тысячи названий и настроений, его много раз рисовали на своих подготовительных чертежах многие демиурги, наблюдатели и дегустаторы ядов, – но как его не назови, оно является подземным ничем. И одновременно – Всем. Там легче всего прочувствовать, что ты – Ничто, и что ты – Всё.

Понять и тут же забыть, ибо нужно ползти дальше. Распикивая локтями плечи кротовой норы. Разрушая глиняный лабиринт. Устраивая звон и мерцания в водопроводной трубе. Рано или поздно от подобных мероприятий труба и снаружи и изнутри покроется дырчатостями и продырявленностями, через которые будет туда-сюда прыгать и влетать прошлое и будущее время. Прошлое станет расчесывать ресницы завтрашнему вторнику, а будущее ползет туда, где в твоём мире не было ничего, кроме камней и колючих скал.

И ты вспомнишь, что был скрипкой, – не один гриф и подгрифок, а несколько. Эфы говорили друг с другом, а спина была изогнута в неправильном месте. Ты вспомнишь, как смешивал краски для своего мира. Серую с каплей розового, а также очень старался подобрать

идеальный сине-сизый оттенок для грозовых туч. В каком-то из созданных тобой миров, впрочем, никогда не бывало дождей – только туманы, которые не мешали обитателям жить в сухости и тепле. Эти туманы лишь придавали их воображению новые, более утонченные оттенки, обогащающие рутинную жизнь всех тех актеров, канатаходцев, каменщиков и детективов, что жили на крышах домов и даже среди руин. Закутанные в твои туманы как в роскошные палантины, они никогда не скучали.

Никогда.

10

После того, как Лонфэру открылась обратная сторона Луны, заключенная в форму странных пристрастий Яжмилье, его охватила безысходность.

Не в силах слезть с рыболовного крючка, заикленный на страсти к пианистке, он снова и снова повторял одно и то же. Осуществляя одинаковые действия.

Словно превратился в марионетку. Деревянную куклу, отсыревшую в густом тумане, так что руки и ноги ее едва могли шевелиться. И потихоньку скрипели.

В этом тумане и речи быть не могло о тепле.

И всё-таки он делал то, что требовала Яжмилье. Выполнял поручения, приносимые ему в письмах. Рутинные дела раньше доводили его до апогея внутренней злобы и ощущения непоправимой беды. Но сейчас его неприятие обычных человеческих дел, – всего, что не живопись

или не очищенное от примесей медитативное созерцание, сгладилось и растворилось, как крупы соли в горячей воде.

Он делал невыносимо унылые дела.

Ходил в кондитерские магазины, в салоны мехов и театральных костюмов. Посещал ювелирные и антикварные лавки.

Бродил по залам картинных галерей, выискивая именно ту, заказанную Яжмиле статуэтку – «да, высокая голубая дама, с рогами на голове, со скрипкой в руках, на ходулях, и автор непременно ВьевльЗалецкий, смотрите, не перепутайте с Олефицким, он тоже часто ваяет из живой глины высоких женщин с голубыми лицами, но это совсем то...»

Фамилия скульптора ВьевльЗалецкого навела его на мысли о Вьефле. Из-за схожести звуков и букв. Наверно, это ничего не значило. Но Лонфэр стал обращать внимание на всё подряд.

Он слушал ее пояснения, как музыку, – также, как игру на пианино, – с замирающим сердцем. Но это лишь тогда, когда она приглашала его в особняк, чтобы встретиться лично и дать необходимые подробные пояснения по поводу поручений. Случалось такое редко.

Будучи, вероятно, весьма закрытым в защитную раковину человеком, она предпочитала письменно передавать ему все свои поручения.

Пусть даже и очень подробно.

Иногда в этих ее инструкциях встречались вставки, которые казались ему выпавшими из другого текста, – совсем непонятно было, к чему их отнести и как их понимать. Такие кусочки были словно фрагменты теории пустот и продырявленностей.

Когда Лонфэр встречал нечто подобное в письмах Яжмиле, он поневоле встряхивался и сравнивал впечатления от перевода, который поручил ему Фёрст, и текста пианистки. Иногда сходство стиля казалось таким ощутимым, что он спрашивал себя: почему он никогда не видел её на лекциях Фёрста? Она точно должна была бывать в Клубе. Она бывала там? Спросить у нее напрямую у Лонфэра не хватало пока изобретательности. Но вцепиться с повышенным вниманием в такой текст ему никто не мешал.

Кусок «продырявленности» в письме мог выглядеть, например, так: «Вам следует отправиться в антикварный магазин братьев Баламуффи. Леди, которые бывают в особняке на вечерних концертах, постоянно делают запросы на приобретение анферабля, трикси, фоллоуди. И прочих редких струнных и клавишных инструментов. Но сами они не могут обойти все нужные нам антикварные магазины и лавки. Из-за их преклонного возраста. Поэтому я прилагаю к инструкции подробные рисунки тех инструментов, которые появились на свет прежде, чем началась эра фотографии. А кроме того, несколько фотографий более современных изделий».

Далее в письме как раз и начинался тот самый кусок, словно сбежавший из теории пустот:

«Когда Вам после длительных поисков наконец попадется искомый музыкальный инструмент, не стоит спешить. Возьмите его в руки и держите крепко. Прислушайтесь. Ощутите запах свежей травы, который почти наверняка будет исходить от поверхности виолецетты, затертой вишневым полиролью до состояния ослепительного блеска. Не удивляйтесь. Так и должно быть. Когда-то квартет играл на этом инструменте только на цветущих весенних лугах. Для одного-двух слушателей. Представьте. Летают шмели. Белеют цветки клевера, неказистые и робкие, но сжимающие сердце в кулак. Задержите дыхание. Замрите. В отдельную минуту Вы станете этим инструментом, но это не игра. Вы в самом деле будете этим музыкальным инструментом, то есть виолецеттой, и не исчезнете при этом. Ваше сознание не исчезнет – просто трансформируется, станет другим. Темные руки пустых берегов будут стараться прикоснуться к пальцам через дымчатую и сквозящую пока музыку, но аромат травы окажется так настойчив, что перебьет всё. Поначалу. Затем Вы внезапно вспомните, что были этой скрипкой с длинным носом и струнами из китовьего уса – виолецеттой. А еще – были играющим на ней музыкантом, застенчивым, но искусным, знающим любимый инструмент вдоль и поперек. Так, как

садовник знает свой искусственный лес: каждое дерево, любой изгиб всякого папоротника, потребности асфоделя, что умудряется выжить и вблизи муравейника. Дикий тюльпан, вероятно, что-то шепчет. Нечто убаюкивающие, а может быть, отпугивающее не только муравьев, чьи ноги начинают от лепесткового бормотания выписывать сомнабулические кренделя. Цепляться муравьиными рожками и жвалами за краешки чужого незнакомого сознания. Нечто растормаживающие не только муравьев, но и ос. Такого рода асфоделям нравятся лишь шмели. Шмелям, и большим, и малым, известен свой кусок леса, а садовнику – свой зеленый лабиринт, со всеми его дорожками и ответвлениями. Может, каждого муравья он и не зовёт по имени, но всякий пень от бывшей яблони – зовёт, и как раз – по имени. Вишня по кличке Омфелль, крыжовник Лемируан, вяз Анферрабль. Виолецетта никогда не изготавливается из вишни или из вяза. Только многолетний дуб или зеркальная волльта подходят для этого музыкального инструмента. Безусловно, дерево для корпуса – это для Вас ещё не всё. Корпус скрипки или виолецетты – лишь форма. А Вы, если уж играете на инструменте, наверняка знаете всю его историю.

Вам известно, кто нарисовал предварительный набросок и кто создал чертеж. Ах, нет же... Вернемся чуть назад, отпрыгнем, стараясь не замочить замшу ботинок. Спустимся по лестнице на ступеньку. Прежде, чем виолецетту в первый, дрожащий, волнуемый раз нарисовал средневековый художник, кто-то должен был увидеть ее во сне. Ее рассмотрели во всех подробностях, с ее виалокками, трубочками, умышленными царапинами на грифоновых закрывках, гладкостью и нежностью корпуса, с ее натянутостью струн, всегда готовых соприкоснуться со смычком и влить свою мелодию в общую музыку сфер. Лонфэр, я прошу извинить меня за пафос, но Вы сразу поймете, что в руках у Вас оказалась старинная виолецетта. Невозможно спутать ощущение от шедевра, вышедшего из рук скрипично-виолецеттного мастера, с ощущением тяжести и шероховатости более поздней подделки невозможно. Подлинник поведаст о том, как был камнем, потом – муравьем, потом – садовником, после – городом и пустотой. И однажды пустоту взял в руки демиург и создал вселенную.

Об этом помнит музыка, вьющаяся сквозь крохотные дырочки на корпусе инструмента. Принимающая покрытый перьями и неизъяснимо крылатый облик ветра, музыка летит, поскрипывая позвонками и пуская цветочную пыльцу в ночь. Расцветившая её созвездиями, которые становятся настолько живыми, что у них почти нет шанса когда-то вновь свернуться в трубочку или спираль и заново стать бумажным лабиринтом. Созвездия уже почти не помнят, что когда-то были музыкой. Они плывут слишком высоко. Выше, чем Наблюдатели, выше, чем Прочие».

И подобных кусков в письмах Яжмиле было немало.

Пока Лонфэр не находил внятного объяснения этим фрагментам. Он просто прочитывал их. Иногда дважды или трижды. Сидел над ними, скрестив руки, разложив рядом страницы из перевода введения в зияния. Сверял части, которые казались ему похожими друг на друга. Или проводил над ними время в полном созерцательном ступоре. Особенно над теми, где упоминались пространственные характеристики древних часовых механизмов из давно разрушенных старинных особняков. Семейства пришли в упадок, муравьи завелись в клубничнике. Они разрушили грядки. А ежевика разрослась сама по себе.

Проще всего было покупать одежду. Хотя приобретение отдельных предметов женского гардероба, указанных в списке, заставляло его краснеть.

Бытовые поручения он выполнял с легкостью. Но те, в которых сквозило чем-то нездешним и безумным, он откладывал в отдельную стопку. Намереваясь разобраться с ними потом. После.

Он ждал времени, когда его сознание станет более ясным. Время это не спешило наступать.

Впрочем, он хранил все её письма. На его чердаке их вряд ли мог кто-то прочесть. Кроме него самого.

Ее просьбы к нему отличались разнообразием, и далеко не всё он был способен выполнить ввиду абсурдности требований.

Самое простое было сделать не трудно. Можно было не откладывать. Делать сразу. Так, он доставлял послания, запечатанные сургучом и перевязанные нитками, всякий раз имеющими разный цвет, – вероятно, и это что-то значило. Глубокий зеленый и томный каштановый цвет нитей невольно заставляли его думать о деревьях. Оттенок можжевельного мха всегда отбрасывал его воображение в одну точку – фантазии о Яжмиле.

Синий говорил ему о дороге. Он звал на железнодорожную станцию, просил немедленно отправиться в кассу и купить билет. Сесть в пыльный, залитый солнцем вагон. И смотреть в окно на монахинь, ведущих на веревке василисков, на пустоши, перекасти-поле и ультрамаринный чертополох. Позже Лонфэр смог осознать, что синие нитки показали ему его же собственный отрезок будущего.

Но это понимание прошло позже.

А пока ему хотелось лишь разобраться с предназначением нитей на свёртках и письмах, и всё. Глубоко не вникая. Он только понял, что история с нитками случилась неспроста – тот или иной оттенок говорил адресатам нечто. Каждому своё.

Однажды он целый день пролежал в ванне с холодной водой. Ему требовалось изобразить Офелию с картины прерафаэлиты Миллеса. Он лежал загримированный, наряженный в парик и женские одежды. Усыпанный речными кувшинками и незатейливыми полевыми цветами с мелкими лепестками на венчиках.

Было ли это насмешкой над ним, или он был выбран, потому что лучше всех прочих подходил на роль? Он не искал ответов. Просто делал то, что мог сделать.

Пока он лежал в воде, имитируя не то неподвижность, не то примитивную актерскую игру, на него приходили смотреть старухи, которые прилежательно с Яжмиле – обмахивались веерами. Ухмылялись. Снимали его на фотоаппарат.

Выполнял Лонфэр и прочие поручения пианистки, хмурые или истерично-забавные. Но расписывать здесь их все, как на ладони, нет необходимости. Мы и не станем.

Лишь маленькая часть его души осталась незахваченной зелёной волной любви к пианистке. Страсти, похожей на птицу, которую чердачные художники обычно звали вороной по кличке Имбирь.

Птица непременно норовит выколоть тебе глаза, хоть и известна своей красотой. В ее же собственных глазах светится безумие. Несмотря на кажущееся дружелюбие, птица Имбирь порой действует жестоко.

Какую-то его частичку Яжмиле не тронула.

Иногда, пусть и редко, он вспоминал о сестре, воображая картины её несчастий.

Например, думал о том, что она вполне могла попасть в зависимость от жестоких людей.

В этом уравнении не было ничего внятного и читаемого: одни неизвестные. Или – сестра изнывает от голода, прильнув к решетке в зоопарке, решетке, где среди сухой травы и мусора прячутся маленькие обезьянки. Они не готовы поделиться с ней едой. Однажды, под утро, сестра ему приснилась – под шум дождя и крики лодочников. Она похудела и выглядела плохо, но при этом огонь в глазах остался тем же. Она поведала Лонфэру, что завершила и смогла издать книгу, названную «Дворец Меланхолии». В названии был оттенок затаканной банальности.

«Сафьянный переплет, плотные страницы, – восторгалась сестра, непринужденно плавающая внутри его сна, как укроп в супе. – Ты не поверишь, но мне удалось! Создать историю, внутри которой нашлось место для каждого призрака. Это случилось благодаря тому, что я не просто выбрала самые чистые краски, то есть синий, зелёный и голубой, не просто доба-

вила в свой Дворец Меланхолии приправы: веники лаванды и звездочки бадьяна. Не просто благодаря выдуманному мной стилю. Всё получилось, потому что я сама обосновалась в этом дворце. Я обросла им, как кости обрастают плотью, а дерево – мхом.

Во Дворце, в самой старенькой и обшарпанной синей спальне, мне явилось привидение нашей матери. Как ты помнишь, – помнишь ты или совсем нет, – она была убита, а после съедена ее любовницей. Надо тебе сказать, что аферистка-людоед действовала не одна, а вместе с братом. Они не только убили мать и завладели состоянием, но и съели ее. У всех во Дворце – разный уровень развития. Тут присутствует и поистине запредельная жестокость. И тебе, брат, повезло, что ты до сих пор не имел сомнительного счастья с ней столкнуться.

В тот день, именно в тот день, мне приснилось, будто я никак не могу попасть в нужный мне автобус. При этом в голове моей висел длинный список книг, который был запланирован к прочитанному, и он не давал мне покоя, отвлекал и завораживал. Даже в описанном мной в книге Дворце Меланхолии для меня было свое местечко. Нет, не огромная библиотека, как можно подумать. Просто старое кресло у окна. Пыльные шторы всегда расположены так, чтобы свет падал на страницы того, кто утонет в этом кресле. Рядом круглый столик на высокой ножке, на нем – чашка чая, белая чашка в разноцветный горошек. Моя любимая. Ты помнишь, дорогой брат, – я очень люблю читать.

И вот в том сне я беспокоилась о непрочитанных книгах сильно, так сильно, что перебирала в памяти отдельных авторов, пейзажи, образы и диалоги. Куски чужих вымышленных пространств проплывали внутри моей головы, словно величественные корабли, – они летели по небу, с днищ их свисали наросты моллюсков и древесные корни, бойницы щетинились пушками, а с бортов и вороньего гнезда внимательно вглядывались не то в горизонт, не то в свое прошлое призрачные, прозрачные, ошалевшие от ветров пираты.

«Тому, кто мучается от страха белого листа, следует описать комнату, где он находится. Обои в серых ромбах, пыль на трюмо, зеркало, откуда выглядывает глазастая и вовсе не страшная рука». Кажется, это отрывок из книги для начинающих писателей, поэтов и созерцателей, коих я в свое время изучила множество, и ни одна не помогла. Чтобы написать даже плохую книгу, надо лишь писать. Всего лишь.

Вернемся, впрочем, к автобусу. В него усаживалось, втискиваясь и трамбуясь, множество людей. Все они очень спешили и куда-то опаздывали, и я опаздывала тоже, вместе с ними, вот только не помню, куда. В определенную минуту автобус резко вильнул в сторону напиральной толпы. И я оказалась внутри, наблюдая, как в распахнутые двери ломится существо, сплошь заросшее рыжим мехом. При этом ноги его были демонтированы неизвестным лекарем и преобразованы в механические колеса. Чудище, не стесняющееся своей чудовищности, спорило с водителем и почти сломало дверь. В одном из его глаз я рассмотрела отражение пылающей голубой огнем девушки, – на голове у нее были оленье рога. Она была похожа на божество. Пассажир трамвая как будто видел ее, раз она отражалась в его зрачках, – но самой оленьеголовой не было рядом, словно она попала в отражение из совсем другого места, далекого и в настоящий момент недоступного для прочих зрителей.

О чем мог говорить тот сумрачный сон, вызывающий во мне столь жгучую тревогу? Может, о том, что любому чудовищу найдется место внутри нас? Так что, сам подумай – могу ли я всерьез осуждать тех наших врагов за то, что они убили мать? Ты можешь решить, будто мне кажется, что призрак нашей матери с прокушенной щекой и съеденным запястьем зывал к отмщению. Однако, думая так, Лонфэр, ты допускаешь ошибку.

Она и правда явилась мне в форме призрака, выплывающего из того самого сна с чудищами, трамваем и рогатой девушкой.

Но она ничего у меня не просила.

Просто сказала, что жалеет о том, как поступила с нами. О том, что выгнала нас из дома.

Ее платье было покрыто вишневыми пятнами.

Кружево безнадежно испортилось. И еще она сказала, что знает – ты попал в рабство к богатой сумасбродке. Умеющей играть на пианино.

Так что теперь и мне известно – ты по какой-то причине не способен вырваться. Я вижу в своем магическом шаре (да-да, ты не поверишь, нынче я стала оракулом, и сегодня во Дворец Меланхолии, до самого потолка залитый дождем и засыпанный ржавыми кленовыми листьями приходят за предсказаниями торговки репой, герцогини и градоначальники) – я вижу в своем шаре, что эта женщина привлекла тебя необычностью и вывернутыми наизнанку музыкальными пристрастиями. Я могу разглядеть, это не сложно. Дама похожа на беженку из древесного мира, весь ее силуэт словно покрыт зеленым мхом, но ее аура полна беспорядка, например, мотыльков, которые, вместо того, чтобы лететь к небу с помощью крыльев, ползут ввысь по лестницам. Нет-нет, кожа твоей любимой обладает безупречной белизной, и лишь кое-где ее волосы выкрашены в зеленый оттенок. Обычно она пьет чай с добавлением белого перца, а права? Вижу, что ты действуешь согласно ее намерению.

Рабски участвуешь в любой затеянной ей оргии, хоть это идет против твоей воли.

Ферст все еще тебе дорог, также как и зияния вместе с пустотами, которые вы изучаете в клубе.

Однако тебе всё сложнее находить время, чтобы ходить на заседания Клуба. Не спрашивай, откуда я всё это знаю.

Мне многое известно.

Я даже знаю секрет о том, что именно живет внутри песчаных марсианских холмов. Что уж говорить о твоих секретах: когда я глубоко погружаюсь в свои сны, они становятся для меня прозрачны. Поэтому просто послушай... С тех пор, как мне удалось не только написать и издать собственную книгу, но и искупать ее в ром, оставить на страницах пятна горячего чая и остывшего кофе, запятнать чернилами, духами и слезами, а также промокнуть с ней под дождем и провести ночь на снегу, используя книгу то как подушку, то как одеяло, – с тех пор я ничего не боюсь.

Дорогой брат, ты очень плохо используешь свой главный ресурс – время. Попусту растрачивая его на глупости. На извращения.

Позволить управлять собой, как марионеткой? Если бы я могла отправить тебе из своего сна в твой песочные часы, возможно, ты стал бы больше ценить время. Впрочем, пустой разговор.

Гулкий, словно ракушка, выпотрошенная морским хищником.

Ты не подумай, брат, будто я тебя в чем-то обвиняю. Вовсе нет. Тем более, что это сложно сделать, перепрыгнув из моего сна в твой.

Эта дама никогда не ответит тебе взаимностью. Наигравшись, она отправит очередную игрушку-человека в дальний угол собственных старых времён. Да и тебе самому станет скучно быть лишь реквизитом для оргий, – реквизитом, поеденным молью. Ты захочешь стереть Яжмиле из собственной памяти. Но уже не сможешь, потому что осознаешь себя приклеенным к ней, как моллюск к брюху каравеллы».

Отчего-то, вспомнив свой сон, Лонфэр представил сестру не во дворце, а в лесу.

Солнечный свет едва просачивался сквозь листву. Казалось, будто она стоит внутри стеклянной банки с зелёной водой. Ее упрёки в растрате времени его почти совсем не тронули. Он понимал их справедливость – ну что ж? Это был его осознанный выбор – тратить время на капризы. Однако что-то все же сдвинулось с места – в один из вечеров он не пошёл в особняк. Просто проигнорировал очередное письмо с приглашением.

Вместо этого он собрался с духом. Почистил одежду. И отправился в кафе.

Вьефль, как обычно, дремал за своим столиком. При виде Лонфэра он слегка оживился. Он знал, что приятель увлётся пианисткой, и после дежурного обмена любезностями заметил:

– Эта особа тебя прожует и выбросит, вот и весь сказ. Зря с ней связался. Ты же помнишь, что я умею «видеть» внутренности? Так вот – довольно часто за красивым фасадом живут сплошные дыры. В Милье... ее ведь так зовут, да? В ней прячется существо, глаза которого всегда закрыты. Для него нет разницы между днём и ночью. Оно немного похоже на льва, немного на птицу, чей клюв вредные тролли сковали медным намордником. Поэтому скажу тебе коротко: она лишь отвлекает тебя от важных дел. Например, от Теории Пустот и Зияний. Уж лучше бы ты дежурил со мной на кладбище – и то время твое пошло бы тебе на лучшую пользу. Минотавр мог бы многое тебе объяснить, если бы ты научился слушать дыхание ночи. Но ты ничему не хочешь учиться. А вот если бы ты проявил терпение, тогда... Полагаю, кто-то из племени минотавров тебе точно показал бы: внутренняя птица Яжмиле одета в намордник, не позволяющий ей есть. Лишь потому, что она не следует предначертанному. Отрицая его. Обманывая себя, растрачивая дни в глупых занятиях вроде любительской театральной постановки, где ей надлежит исполнять роль шерстяного осла. Вместо того, чтобы полностью погрузиться в музыку. Брамс, Оргюссен, Омфлийе.

– Вьефль, ты говоришь неясно. Ты же ничего о ней не знаешь. Если бы ты мог слышать, как она играет на пианино! Да хоть те же пассажи Омфлийе... Ты знал, что Омфлийе начал писать музыку после путешествия в Антарктиду? Его на пару месяцев поразила снежная слепота. Некоторые музыковеды считают, что это послужило толчком для создания его первой симфонии, названной в музыковедении «Птица Додо». Потрясение, полученное во время снежной бури, открыло шлюзы вдохновения. Вот именно отрывки Омфлийе она любит играть иногда. Под настроение. Для себя. Порой это звучит дисгармонично. словно крики истеричного паяца. Порой похоже на шелест майской листвы, свежий и острый. А порой эта музыка уносит в снежную пустыню, где человеку просто нет места. Потому что он там не уместается, – неожиданно для самого себя возразил Лонфэр. – Ты просто не слышал этого. А я слышал. Однажды она музицировала, когда в доме больше никого не было. В другой раз она играла для своих друзей. А вот на её концертах музыка совсем иная.

– Уверен, она пленила тебя отнюдь не этим, – сказал Вьефль. – Я допускаю, что играет она хорошо. Но ты ведь не поэтому таскаешься к ней в особняк.

– Сегодня не пойду. Сегодня я намерен отправиться на заседание клуба.

– Вот это дело, – кивнул Вьефль. – Но всё же повторю тебе – будь с ней осторожен. Касательно же Омфлийе... Ох уж этот Омфлийе... Композитор, расхаживающий по Подглюдище в кружевном белом воротнике и черном сюртуке времен конфедерации. Таких уже не шьют нынче. Не достать их и в антикварных магазинах. Так о чём я? Он любил пошататься. Просто блуждал, болтался, как маятник, с правого берега реки на левый. Ты не видел, потому что приехал сюда жить много позже. А я живу здесь давно... Люди искусства. Эти остолопы, добровольно сующие руки в огонь. И намеренные при этом не обжечься. Но как возможно не сгореть, если лезешь в печь? Ты знал, что Подглюдищу прежде называли городом композиторов? Столько их тут было? Обычно они заселялись на чердаки, как летучие мыши. Или как обыкновенные маленькие мышки. Там самые дешёвые комнаты. И под треугольными крышами легче всего думается. Знаю по себе. Я помню, я всё помню. Да. Что-то я заболтался... Просто ты упомянул Омфлийе, и передо мной тут же встало его лицо. Как на ладони. Обсыпанное не то пудрой, не то слоем белой муки. Когда композитор слонялся по городу, он напевал мелодии себе под нос. Подтверждаю. Чары. Кое-какие водостоки до сих пор их помнят. И в сильный, особо чешуйчатый дождь пытаются и повторить даже. Вот так... А от пианистки этой ты всё же отклейся. Не доведёт она тебя до добра.

И Вьефль умолк.

Я помню, я всё помню... Лонфэр повторял эти слова снова и снова, как будто они могли заставить его быстрее отправиться на очередное заседание клуба. Прийти туда. И не думать о Яжмиле.

В клубе все было немного не так, как он привык.

В тот вечер Фёрст показался ему раздражённым. Возбужденным. Тогда Лонфэр ещё не знал, что наставник готовится к бегству в личный пандориум. В свой дом мечты.

Подобравшись неслышно, как пума на мягких лапах, разразилась гроза. Лонфэр еле успел добежать до здания музея. В тот вечер заседание должно было пройти там. Под скрежет молний он вошел в узкую длинную дверь. В спину ему дышала гарь утомленного города.

Как он осознал позднее, Фёрст пригласил много новичков. Проводников. Именно так он их назвал позже в своих записях, которые стали доступны последователям.

Среди новичков просматривались необычные персонажи, которых и во сне не увидишь.

Лонфэр заметил и своих друзей. Тех, что когда-то пригласили его домой и угостили тортом.

Лиля выглядела грустной и словно потускневшей. Увидев Лонфэра, она, впрочем, заметно оживилась. И подошла вместе с братом, который без остановки чихал в свой змееподобный шарф. Сегодня он был зеленым. Этот шарф словно был сделан из меди, позеленевшей от сырости.

Выглядело так, словно владелец шарфа мечтал о лесной чаще. И поэтому шарф вслед за настроением хозяина взял и сменил цвет.

– Долго тебя не было! – с еле уловимым упрёком сказала Лиля. – Знаешь, сколько всего случилось с тех пор, как мы виделись в прошлый раз? Сколько произошло на тех заседаниях? Куда ты так и не пришел?

– Я не мог, – ответил Лонфэр. – Надеюсь, ты расскажешь мне о том, что я пропустил. Мне очень жаль. Я был болен...

– Лиля, не набрасывайся на него. Разве так можно? – укоризненно отозвался брат. – Отцепись, пивка... Он и сам расскажет. Потом, если захочет. Почему не приходил.

– Фёрст вот-вот появится, – сказала она.

– Сегодня я вижу здесь много новых лиц, – заметил Лонфэр.

– Что правда, то правда. Не знаю, зачем все эти люди нужны Фёрсту, – ответил Элоуф. – Но думаю, что он не стал бы приглашать их просто так.

– Итак, сегодня здесь странные люди, – сказал Лонфэр. – Они выглядят необычно. Но чувствуют себя явно в своей тарелке. Вы что-то об этом знаете? Зачем Фёрст их пригласил?

– Есть секрет. И мы с братом на сто процентов не уверены, что это так, – Лиля понизила голос. – Если хочешь, можем с тобой поделиться.

– Конечно, хочу, – сказал Лонфэр.

– Мы думаем, что Фёрст планирует сбежать в безмянный город. Обнаружить его, а уж тем более проникнуть туда весьма сложно. Он сам об этом говорил, – начала излагать свою версию Лиля. – И для этого он пригласил сюда циркачей.

– Циркачей? – изумился Лонфэр.

– Акробатов. Вероятно, он думает, что их искусство поможет им преодолеть некие одному ему известные препятствия. Во всяком случае, так или иначе, но он пригласил даже канатаходца. Я случайно подслушала, как они беседуют в коридоре. Фёрст говорил о неких важных для равновесия движениях и об их отработке.

– Вот как.

– Да, именно. Очень странно. Понимаете, друзья, я вовсе не хотела подслушивать. Не думайте обо мне плохо. Но всё звучало так, словно он собирался перебираться через препятствия по узким лестницам. Перепрыгивать через ямы и овраги. На большой высоте. Так что опасность упасть и разбиться показалась реальной даже мне. Хотя я стояла на твердой поверхности. И мне ничего не угрожало. А еще Фёрст говорил о том, что ему придется проходить сквозь дыры в ткани реальности. Не уверена, что поняла его слова верно, но мне послышалось именно это. Далее он сказал, что время неуверенности и прохладных научных рассужде-

ний для него подошло к концу. Его невидимый собеседник отвечал ему по поводу преодоления препятствий. Он говорил охотно и пространно, вдаваясь в детали, которые для меня звучали как абракадабра. Я поняла лишь, что учителю советуют взять с собой то и это. В частности, особенную присыпку для рук, изготовленную из равных частей пороха, фосфора, речного песка и фиалковой пудры. Якобы, эта смесь потребуется, чтобы протирать руки. И дальше, при соприкосновении кожи с канатом либо веревками, не возникнет ненужного трения. Руки останутся целыми, и ты не упадёшь. Вот одна из главных заморочек любого акробата. И прыгуна на трапециях.

Лиля замолчала. Она изложила свои рассуждения так тихо, что Лонфэр на секунду подумал: ему примерещилась вся эта чепуха насчет прыжков через дыры в материи.

Однако у него было время рассмотреть приглашенных на заседание клуба циркачей. В каждом из них, как моллюск в ракушке, пряталось некое еле различимое явление и способность.

Рыжая дама выглядела обыкновенно.

Но Лонфэр словно уже видел ее в свете рампы, жонглирующей апельсинами: грудь вываливается из плотного корсажа, кожу усеивают капли соленого пота. Вот один апельсин упал, покатился по искусственной траве круглой арены. А потом застрял в куче опилок. Ключья ее волос горят, словно беличьи хвосты, словно костёр. Дети на зрительных скамьях пищат от восторга. Их отцы пускают слюни, облизывая ее взглядом. Есть такие пустыни, где десятилетия не бывает дождей... Лонфэр невольно пустился в не слишком приличные фантазии. Ничего не мог с собой поделаться – с тех пор, как его пригласили участие в оргиях в особняке Яжмиле, он стал искушенным в наслаждениях плоти. Ведь там он делал всё, что приказывала ему хозяйка, то есть Яжмиле. А она обычно заставляла его наблюдать. Смотреть на чужие объятия. А иногда и участвовать... Однажды ему пришлось. Было отвратительно, но так велела Яжмиле. Тогда он не утратил надежды, что она однажды позволит ему прикоснуться к себе. Мечтал лишь о поцелуях и о треугольнике зеленого мха. Но она всегда лишь указывала длинным пальцем на других, и тогда он послушно выполнял то, что должен был выполнить.

Он знал, что она смотрит на него. Что она смотрит на то, как он любит ее подруг-виолончелисток, проституток и студенток из консерватории, которым срочно понадобились деньги. Всегда деньги. Всегда одно и то же. Он всегда знал, что она наблюдает. Смотрит.

Как правило, не снимая маски с лица и почти не шевелясь. Неподвижная, как змея перед последним прыжком.

Сначала он выполнял такие ее поручения слишком быстро. Поспешно. Но постепенно участие в этих причудах его развратило, и вскоре он уже с азартом охаживал ремнем каких-то незнакомых женщин. Не торопясь. Растягивая удовольствие. Довольно скоро ему пришлось познать усталость и опустошение.

Яжмиле платила за услуги и за выполнение всех его поручений, оставляя деньги на столике с парфюмерными флаконами. Сумма была всегда разной.

– Эй! – окликнула Лиля, заглядывая ему в лицо.

Он даже не заметил, что всё это время, пока он витал в облаках, она продолжала говорить, а он не слушал.

Ему стало стыдно.

– Где ты витаешь, Лонфэр? Я ведь говорю о серьезных вещах. Его уведут, заморочат эти циркачи. И мы больше никогда не увидим Фёрста. Слушайте, мне кажется, что мы должны что-то предпринять. Разве нет? Как-то остановить...

Ее брат молчал, но в молчании ощущалось недоумение. Он как будто хотел посоветовать ей не вмешиваться. Но знал, что перечить сестре бесполезно, уж если она решила что-то сделать.

Рассуждения освободившейся от своих обязанностей двадцать пятой пустоты.

Нынче мои рассуждения на тему, почему людей так часто заносит не туда. И приходится даже отправлять к ним арлекинов, чтобы те за ними присмотрели. Помогли при случае не свалиться с каната, ну или еще что... Что-нибудь.

Итак. Если какая-то из пустот видит, что возможный и даже слегка вероятный demi-ург, пусть даже совсем пока еще полупрозрачный и невесомый, настойчиво и рьяно вязнет в страстях, она пытается такого остолопа из них вытащить. Хоть даже и с помощью двадцать пятого крючка, маленького и почти незаметного для плотных материй. В которых могут в силу разных причин запутаться все те, у кого имеются шансы прорасти.

Возвращать demiургов на их путь лучше всего с помощью фантазий и легкости, а для этого как раз идеально подходят арлекины.

Обычно пустота достаёт их с полки, разворачивает, как бумажные нарциссы или кораблики, и тогда арлекины слегка похрустывают и кряхтят после долгого бездействия.

Но никогда не комкаются.

Им нравится вступать в игру. Если пустота подбрасывает такого арлекина, замаскированного под человека, папоротник и муравья (да, эти виды жизни тоже порой годятся для преобразования хоть в теоретика, хоть в практика Пустот, а по мере наличия внутри особого стержня – то и в Хранителя; но только не всё это сразу) – когда пустота подбрасывает своего арлекина в игру, дела внутри игры сразу идут бодрее. А значит, у тех, кто внутри игры, появляется больше шансов сбросить морок. Бывает, что требуется подбросить не одного арлекина, а целый десяток.

Что ж, у пустот их немало.

Запасы хоть арлекинов, хоть говорящих снежинок – не ограничены.

Однако, если снежинки в больших количествах обычно не приносят далеко идущих последствий, то арлекины дают порой эффект внесения в реальность хаоса. Неизученного. Если их отправлено в живую сферу сразу больше десяти штук, и если они благополучно распаковались, то под влиянием фейерверочных психологических энергий могут оказаться не только отдельные люди, но и целые кварталы. И даже большие города. Забегая вперед, скажем, что именно так случилось с Подглюдицей. Арлекины, распакованные там для помощи Фёрсту и подготовке его к прохождению через сложный участок, навели морок на многих. Кто и не имел никакого отношения к теории пустот и продырявленностей. Заодно. Их магическая дымка навевала сумрак и тревожность на всех. Ромбы на их костюмах гипнотизировали добропорядочных граждан, и те начинали сбиваться с рутинного ритма. Маскировка прекращала работать, – в магазинах внезапно, откуда ни возьмись, появились новые виды товаров. Комплекты одежды и экипировки для охоты на белых полярных сов, новые ботанические справочники с говорящими цветами и репейником, каких и во сне не увидишь. Энциклопедии по искусству отвлечения внимания покупали себе те дамы, которые прежде интересовались лишь сервировкой чайных чашек в горошек. А после появления в Подглюдице арлекинов, слоняющихся по улицам, иногда неподвижно стоящих под каштанами или возле африканских тумб, домохозяйки и садовники и вовсе как будто спятили. Садовники выстригали на клумбах загадочные знаки в форме ключей от неизвестных дверей, а из кустарников, обработанных их ножницами, острыми до предела, получались уже не дружелюбные медведи и собаки, а кракены и медведки в увеличенном размере. Это не нравилось владельцам садов. Рабочих увольняли. И они все куда-то исчезли. Скоро в городе не осталось ни одного приличного садовника. Что и привело к бурному разрастанию диких роз и терновника, которые никто больше не обрезал. Вы можете спросить – относительно садовников пришла ясность, но что произошло с домохозяйками? Ответим: все теряют разум с различными симптомами. Это как почерк – нет двух одинаковых. Нет двух похожих арлекинов: один чуть горбат, а второй всегда мечтал стать рыбой. Один арлекин носит трико в ромбах исключительно песочно-сизых, другой –

зеленых и розовых, третий нахлобучил на тыкву наполеоновскую треуголку, а на цвет ромбов ему чихать, четвертый никогда не расстается с дрессированным хамелеоном, а пятый выходит под свет софитов только в паре с Коломбиной. Их шутки бывают довольно колкими, но лишь с большой голодухи, – когда по осени сборы у странствующего шапито становятся совсем скудными. Такая же история происходит и с домохозяйками в случае распаковки над любым городом вспомогательным арлекинов. Кстати, уж отвлекаться так отвлекаться... Пустоты и продырявленности тоже одинаковыми выглядят только с виду. К примеру, смотришь ты на полку в шкафу. В том шкафу, что стоит в одной из комнат серого куба. В безымянном городе. Внутри полой пустыни. Представь себе песочные часы, в которых совсем нет песка. Такова и та пустыня, – скопление чудовищ там чрезмерно. Настолько, что случайно попавшему путнику может показаться: их нет совсем. И в том шкафу, когда ты смотришь на полку – ты можешь увидеть поверхность древесины, с волокнами, узелками, геометрическими узорами. Следами от спиленных сучков. Тонкий слой пыли. Ты можешь увидеть Великую Пустоту.

Ничто.

Но на самом деле там, на полке, лежат и ожидают своих демиургов пустоты.

И все они разные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.